# Вечный. Черный легион

**Автор:**
Сергей Злотников

Вечный. Черный легион

Сергей Витальевич Будеев

Роман Валерьевич Злотников

Мир ВечногоВечный #6

В мире Вечного наступило короткое долгожданное перемирие. Боевые корабли Могущественных больше не смеют вторгаться на территорию человеческого космоса, но и без внешней угрозы люди способны создать себе много проблем. Для кого-то редкий дар становится проклятием, для кого-то открывает безграничную гармонию Вселенной и самые потаенные двери, за которыми Творец хранит свои сокровенные тайны. Новые, молодые еще, герои учатся разрушать и созидать, дружить и хранить верность, сражаться и искать компромиссы. И кажется, они нашли себе нового лидера, готового принять на себя бремя ответственности за человечество. Дочь Вечного – принцесса Тэя – сдает свой первый экзамен. Может быть, ей удастся не только вдохновить своих друзей на бессмертные подвиги, но и построить наконец мостик между человечеством и расой совершенных созданий Творца.

Роман Злотников, Сергей Будеев

Вечный

Черный легион

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Серия «Э.К.С.П.А.Н.С.И.Я.»

Серийное оформление – Александр Кудрявцев

Иллюстрация на переплете – Василий Половцев

© Р. В. Злотников, 2019

© С. В. Будеев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

## Предисловие

Я ничего говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу.

Виктор Черномырдин

Будущее можно просчитать, нафантазировать или даже создать собственными руками, если хватит сил и умения, а можно просто увидеть, плотно прикрыв глаза ладошками. Способности родителей нередко в той или иной мере передаются их детям, а уж способностям родителей принцессы Тэи можно было только позавидовать.

Укрытый огромным куполом просторный зал незнакомого дворца безлюден. Желтые блики позолоты, отраженные от белоснежных мраморных колонн круговой анфилады, солнечными зайчиками медленно кружатся вокруг его центра. Тихо. Ни звука не проникает из будущего в прошлое. В отдалении у входа в зал символом неизбежности возвышается высокий крылатый силуэт. Черные рыцари, плотным строем заполняя пустоту пространства, маршируют перед принцессой и, выстроившись в длинную шеренгу, замирают. Кто они? Почетный караул? Или, может быть, это ее палачи? Видение слегка колышется, словно сладкий пудинг на плоском блюде. Она пытается рассмотреть лица бойцов, но черты их смазаны. Время еще не выбрало тех, кому предстоит оказаться «здесь и сейчас». Принцесса пытается поймать свое отражение в зеркальных доспехах воинов, но видит лишь завернутую в белоснежное сари стройную фигуру, больше похожую на скульптуру древних мастеров…

– Тэя, принцесса, прошу вас. Не заставляйте вашу матушку ждать…

Девочка отрывает маленькие розовые ладошки от лица и улыбается полковнику Атране, из всей дворцовой прислуги единственной, кто в благоухающей зелени королевского сада способен найти маленькую принцессу. Потом вприпрыжку бросается вскачь по зеленой лужайке и скрывается за высокими створками тяжелых кованых ворот.

– Мама! Мама! Расскажи мне про больших крылатых людей со сверкающей короной на голове. Они ведь умеют летать? Они ведь могут унести меня к звездам?

# Часть 1

## Колыбель голема

Пусть это будет естественный отбор, ускоренно и заботливо направляемый.

Виктор Черномырдин

Полеты во сне

Стремительный бросок вверх и на пик параболы. Воздух, такой свежий и влажный внизу, здесь становится обжигающим, режущим глаза до слез. Ничего не видно. Слезы катятся по щекам, размазываются, приходится часто моргать, зажмуриваться, наконец разворачиваться и опять падать вниз, словно на санках с ледяной горы. Скорость растет, от свиста в ушах начинает мутить, но, не долетая до земли метров сто, траектория выравнивается и переходит в параллельную поверхности горизонталь. Под тобой лениво колышется в свете луны сероватое море лиственных крон. Днем они покачиваются и шепчутся с ветром, а сейчас кажется, будто их завернули в ватное одеяло, и никакой шум не тревожит ночную прохладу подлеска. В опасной близости растянуты в разные стороны электрические провода. Неприятная помеха. Как только придет время приземляться, они обязательно окажутся между тобой и узкой деревенской тропинкой или петляющим руслом мелкого ручейка, которые как нельзя лучше подходят в качестве взлетно-посадочной полосы. В воздухе конкуренцию им составляют летучие мыши, но дальше за полночь и они почти не попадаются, и можно наслаждаться полетом в полном одиночестве. Только молчаливые звезды, с тоскливым осуждением взирающие на кувырки и кульбиты, через час теряют к тебе всякий интерес. И так продолжается до тех пор, пока перед рассветом не дает о себе знать усталость, тело будто набирает вес и перестает подчиняться твоим желаниям. Чтобы удержаться в воздухе, уже необходимо прилагать усилия. Руки волей-неволей начинают имитировать движения пловца в быстрой проточной воде. Земля с каждым разворотом все ближе, все опаснее разгоняться. Уже и ветви деревьев достают и безжалостно хлещут по всем выпирающим местам. Больно.

Юджин разворачивается к деревне, стремительно мчится над изгородью скотного двора в сторону ручья, грязного, вонючего, зато мелкого и с ровным илистым дном. Делает небольшую «горку», выравнивает тело вертикально – ноги теперь впереди и уже шлепают по холодной воде. Мелкие брызги разлетаются в разные стороны.

Светает. Из-под соседского забора с визгом выскакивает заспанный, весь в репьях на нечесаном загривке пес и мчится под крыльцо дома. Оттуда слышится неуверенное и недовольное ворчание. Его можно понять, не каждую ночь приснится целая миска свежих бараньих костей. Влажная осока гладит ноги,

покусывая лодыжки. Крапива кусается еще крепче, с каждым шагом все труднее идти сквозь непонятно откуда взявшуюся молочную стену – такое чувство, будто с головой погрузился в сгущенку, и в этой самой голове вдруг рассыпаются и звенят тысячи звонких приставучих колокольчиков…

– Юджин, не ломай будильник! Вставай! Уже семь часов, вставай, говорю! А то сейчас водой окачу!

Сестра разложила на кухонном столе мягкий, но с хрустящей корочкой ароматный хлеб, развернула бумажный кулек с маслом и уже налила в чашку душистый горячий чай. Юджин оторвал голову от подушки и, бросив недовольный взгляд на парочку отчаянных мух, которые, нарезая круги, барражировали над его завтраком, встал и побрел к умывальнику.

Говорят, если ребенок летает во сне, он растет. Юджин обсуждал это с пацанами постарше, и они пришли к выводу, что зря болтают: «летают» все, но не все растут. Да и большая часть ребят в двенадцатилетнем возрасте отчетливо запоминала другие сны. В них присутствовали девчонки с распущенными косами и в коротких юбках, случайно расстегнутые блузки и маленькие розовые сосочки на нечаянно обнажившейся груди…

У родителей на все случаи жизни всегда есть готовые ответы. Дети должны хорошо питаться, мыть руки перед едой и заниматься общественно полезным трудом. И тогда они вырастут и станут полезными членами общества, будут заняты на полях и стройках, будут воспитывать своих детей и объяснять им, что человек умеет летать на аэроджампах, – пусть эти нескладные металлические конструкции и падают время от времени на землю, убивая сотни людей. Еще, если повезет, можно стать героем, полететь на звездолете в космос, исследовать там холодную пустоту или перевозить на соседние планеты тонны полезных грузов. Космос, если вы не знаете, это примерно тридцать или сорок километров вверх от поверхности родной планеты. Почти столько же, сколько ехать до крайсштадта, где в бывшем старинном храме, переделанном в исторический музей, можно послушать лекцию о пользе общинного труда. Ну а летать другим способом – просто никчемные фантазии, а бегать за девчонками и хватать их за сиськи – вообще верх пошлости и глупости. И никто так не делает… Хотя это уже совсем вранье. Потому что летом, когда деревенскую детвору вывозили на болота в пойму Дерхана собирать ростки пиоки, Юджин со Скриптом своими глазами видели, как пилот коптера хватал в кустах за сиськи (и не только за них) сопровождающую их группу тетку Еленгеру. Та же

нисколечко не сопротивлялась, только тихо хихикала и делала глупое лицо. Все это еще больше убеждало пацанву в том, что взрослые их обманывают, причем делают это осознанно, организованно, целенаправленно, хотя порой и неумело.

Юджин «летал» больше всех, но при этом среди однокашников был самым низеньким и дохленьким. Так что расти ему эти полеты во сне явно не помогали. Зато он детально знал все особенности ландшафта в радиусе двадцати километров вокруг своего дома, и когда играли в «защиту рубежей» в лесу, он неизменно становился лучшим разведчиком. А также лучшим грибником и собирателем ягод. Ничего необычного в этом факте Юджин не видел, вот только лодыжки следующим утром чесались и покрывались красноватой сыпью от крапивы. Но мама говорила, что это даже полезно, а если он будет расчесывать кожу, она оторвет ему руки.

Слизывая сладкое масло с бутерброда и с громким чмоканьем прихлебывая горячий чай, Юджин украдкой припрятал в дыру, проделанную в подкладке накидки, кусок пшеничного хлеба. Это был подарок для хрюхаря, живущего в дупле старого дуба на опушке перед деревней. Покончив с завтраком, мальчуган соскочил с табурета и уже собрался было незаметно проскочить через прихожую и вырваться на улицу, но сестра ухватила его за ворот и усадила обратно. Даже мать Юджин боялся меньше, чем старшую сестру. Родители жалели младшенького, но как только они уходили на работу – обычно задолго до рассвета, сестренка брала бразды воспитания в свои уверенные руки. И тут уж было совсем не до шалостей, за которые можно было легко получить по загривку или длинным гибким ивовым прутом по заднице.

– Куда тебя понесло? А ну-ка, притормози, оглоед.

Деловито повернув мальчишку к себе лицом и послюнявив кончик полотенца, вытерла ему испачканные маслом губы.

– Чтобы к обеду вернулся! Понял?! А то выпорю…

Экспедиция

Единственный, кого Юджин готов был слушать часами, был его дед Куно. Вечером, проглотив кружечку-другую пенной настойки из корней пиоки и пожамкав беззубым ртом сушеный хвост полосатого речного окуня, он подзывал к себе внука, сажал его на свои острые тощие коленки и начинал рассказывать не то древние легенды, не то собственные воспоминания о давно прошедших удивительных приключениях…

– Это. Значит. Не вертись ты. Шило… Корабли, здоровенные, черные, словно драконы, бились так, что ночью было светло как днем. Шары огненные в небе сверкали и падали вниз. Которые из них не сгорали совсем, врезались в землю и сжигали лес вокруг на десятки километров. Вековые стволы срубали под корень и ломали словно спички. В деревне земля под ногами ходила ходуном, а зверье из леса, спасаясь от пожаров, бежало сломя голову. Деревенские мужики детишек да баб своих по погребам прятали, так засыпало иногда погреба…

– Деда, а корабли упавшие умирали на земле? Или опять взлетали и бились с врагами? – Юджин, ухватив старика за мозолистый палец, от азарта, казалось, готов был вывернуть его, содрав морщинистую кожу.

– Что ты, изверг, руку мне ломаешь! – Куно выдернул ладонь из цепких объятий внука. – Там одно исковерканное железо вперемешку с песком и пеплом. Один вон так и валяется за плешивой горой. Так к нему ходить заказано. Там и трава до сих пор не растет…

Дед вновь закатывал глаза и погружался в воспоминания, а Юджин ерзал у него на коленях, и фантазия рисовала ему стремительные черные тени, рассекающие низкие облака, расцвеченные кроваво-красными огненными вспышками взрывов.

– Так то было уже после пиратов… Или до?.. Да нет, после. Мне про то мой дед сказывал, как пираты мужиков по заимкам ловили – и в заморозку. А потом штабелями складывали на карго-баржи и увозили с планеты. Никто не вернулся. А дед исхитрился вообще из леса не выходить, его и не поймали. А ужо красномордые с пиратами опосля сцепились. Вот тогда-то и горели корабли, и лес горел. – Дед удовлетворенно почесал подбородок и искоса заглянул в пустую кружку из-под настойки. – О-хо-хо. Вот были времена…

Юджин, выждав пару минут и почувствовав, что хриплое прерывистое дыхание старика стало перемежаться негромким всхрапыванием, вновь подпрыгнул у

него на коленях и как бы невзначай пихнул его локтем в бок.

– А на том корабле, что за Лысой горой лежит, красномордые летали или пираты?

Старик вздрогнул и приоткрыл глаза.

– Вот ты ж чертенок непоседливый! Почем мне-то знать, кто на нем летал…

Четвертая планета системы Гернетон пережила несколько волн колонизаций. Первым до нее сумел добраться древний медленный транспорт из прежней Европы. Корабль переселенцев направлялся гораздо дальше, но был поврежден. Третье поколение «путешественников», выросших на корабле и никогда не ступавших ногами по твердой поверхности настоящей планеты, не разделяло оптимизма своих отчаянных предков. На корабле оставалось не больше трех десятков «пассажиров», и, не рассчитывая уже на полноценную колонизацию планеты, они хотели хотя бы собственную смерть встретить, насладившись настоящими восходами и закатами Гернетона. Род Куно вел свою родословную именно от этой, первой волны.

Плешивая гора высилась километрах в пятнадцати от деревни, и так далеко в лес ни Юджин, ни его сверстники еще не забредали. Поэтому к походу за приключениями на свою задницу они со Скриптом готовились не один день, и готовились основательно. Наворованные с кухни сухари, десяток вареных яиц, наполненная родниковой водой старая дедова фляга должны были обеспечить юным следопытам сытое существование как минимум на сутки. Выструганные из орешниковой оглобли два деревянных меча, по мнению пацанов, способны были защитить их от агрессивных лесных обитателей, а тяжелая отцовская кувалда, пара гаечных ключей и плотный синтетический мешок предназначались для добычи артефактов, то бишь тех самых металлических частей древнего корабля, которые потом подтвердили бы их героическую одиссею. В заплечных сумках нашлось место и старинному цифровому приборчику на солнечных батареях, совмещающему в себе функции компаса, термометра, лазерного дальномера и еще чего-то не столь очевидного. Не обошлось и без длинного мотка гибкого и прочного трехжильного кабеля, аккуратно срезанного из вскрытого друзьями силового щитка в отцовском сарае. Кабель должен был заменить путешественникам веревку. Вся экипировка хранилась в картофельном погребе

Скрипта, удачно расположенном на краю деревни, поэтому начало экспедиции прошло без эксцессов и лишних свидетелей.

– Там точно будет какой-нибудь бластер или вакуумные гранаты. Без гранат никто не воюет. Я точно знаю.

Скрипт с аппетитом умял выделенный ему паек – вареное яйцо с тремя небольшими сухарями – и, сделав несколько глотков холодной воды, завертел в руках компас. На защищенном от влаги тачскрине бегала по кругу красная стрелочка, отслеживающая направление на Южный полюс планеты. Можно было, конечно, задать и контролировать любое необходимое направление, но Юджин решил не экспериментировать. В центре экрана отмечалась дистанция, которую успели преодолеть путешественники, их средняя скорость, а также текущее время. Они давно преодолели «дальнюю заставу» – нагромождение валежника, в котором детвора устраивала «сражения» и дальше которого углубляться в лес остерегалась. Семь километров через заросли деревьев они прошли за три часа, что вселяло определенный оптимизм, однако почти сразу после привала настроение у друзей сильно испортилось. Аккуратно сложив продукты в мешок, они продолжили путь и уже через пятнадцать минут уперлись в глубокий, метра четыре глубиной, овраг с высокими скользкими глиняными склонами.

– Как бы веревкой зацепиться за деревья на другой стороне…

Юджин теоретически понимал, что нужно обвязать камень или толстую ветку и закинуть ее за противоположный склон оврага. Почему-то у любимых героев телесериалов это получалось на раз-два, а вот у них со Скриптом не вышло ни на пятый, ни даже на пятнадцатый. Конец кабеля либо не долетал, либо свободно соскальзывал обратно. Когда же привязанная к нему сучковатая коряга выскочила из неплотно затянутого узла и грохнулась на дно оврага, стало понятно, что нужно возвращаться или попробовать найти более подходящее для переправы место, двигаясь вдоль препятствия.

Часа через три изрядно вымазавшимся в глине, с ободранными о мелкие камни ладонями и штанами на коленях им все-таки удалось перебраться на другую сторону, но теперь они были дальше от своей конечной цели, чем до того, как предприняли первую попытку забросить кабель. Деревянный меч Скрипта, который пришлось использовать в качестве саперной лопаты, был сломан и оставлен в овраге. Приятель больше не болтал о «бесценных призах»,

ожидающих их на Лысой горе, а Юджин бросал тревожные взгляды на давно перевалившее через полуденный пик светило. Он уже был готов вернуться, но теперь овраг оказался за их спинами, и одна мысль о повторной переправе гнала мальчишек вперед, все дальше и дальше от дома. Ужинали они под огромным, в четыре обхвата, стволом хвойного запфенбаума. Компас показывал, что до Лысой горы оставалось не более километра, но лес уже окрашивался багряными оттенками заката.

Останки древнего корабля предстали перед ними в последних лучах заходящего Гернетона угрожающей черной громадой, словно спящий хищник нависавшей над обширным гладким полем. На поле этом, даже на самом его краю, вездесущие сорняки выглядели скрюченными больными карликами, а прочую растительность вообще, казалось, выкосила неизвестная и невидимая сила. По всему периметру проплешины, неожиданно вынырнувшей из зарослей лесного орешника, стояли покосившиеся, увитые ржавой колючей проволокой невысокие бетонные столбики. Лезть сквозь последнее, но очень неприятное препятствие в полной темноте не было ни сил, ни желания. Друзья уселись прямо на примыкающей к колючке лесной опушке и, потыкав лазером «компаса» в сухую прошлогоднюю листву, запалили небольшой костер. Стало еще страшнее. Теперь казалось, что они находятся на самом виду, сами ничего не видя уже в двух шагах. Но так хотя бы было теплее.

– Лучше бы нас поймали, когда мы только выходили из деревни…

Скрипт сидел, съежившись и обхватив грязные колени руками, и стучал зубами то ли от холода, то ли от страха. Юджин боялся, как бы друг не подпалил свои сандалии, которые почти касались пожирающего хворост огня. Он думал об отце и матери, о том, что сидеть на коленках у деда и слушать его рассказы куда приятнее, чем ночевать в лесу рядом с уродливой ржавой громадиной, бывшей когда-то грозным боевым кораблем. В этот момент он скорее почувствовал, чем услышал, пульсирующее колебание воздуха. Прямо из-за черного остова, закрывающего собой добрую половину неба, ему в глаза ударили два мощных ослепляющих луча прожекторов. Полицейские коптеры нырнули вниз и, судя по всему, включили подавители. Юджин упал лицом в прелую листву, все тело скрутило судорогой. Дышать он не мог, глаза, казалось, неминуемо вылезут прямо на лоб. Последнее, что он запомнил перед тем, как кто-то, ухватив за грудки, приподнял его над землей, был направленный на него ствол десантного лучемета.

Больничка

– Снимай свой драный фогер и надевай чистую рубаху, вот эту, я погладила. Сегодня повезу тебя в город.

Юджин недоверчиво, но заинтересованно посмотрел на сестру. Интересно, это из-за их ночного приключения или он уже вырос и ему, как и всем сверстникам, пора пройти медосмотр в клинике крайсштадта? Скрипта возили туда полгода назад. Он потом рассказывал Юджину интересные вещи про белоснежные комнаты, блестящие хромом металлические ящики с лампочками и кнопочками. Это было здорово. Тем более что никаких уколов там не делали и зубы не сверлили, только показывали разные картинки, и длинноногая докторша надевала Скрипту на голову какую-то «корону», сплетенную из тонких блестящих проводков. Вся процедура длилась не дольше трех-четырех часов, потом врач заполняла длинный формуляр, и ребят отпускали восвояси. Зато после подобного посещения родители записали Скрипта в деревенскую приходскую школу, где старый пердун Загиба по осени собирал всю слегка подросшую мелюзгу, рассаживал ее в рядок на скамейку и рассказывал, что такое алфавит. Скрипту мамаша уже прикупила толстую тетрадь с чистыми белыми пластиковыми страницами и пачку разноцветных стилусов. Друзья даже пытались как-то эту тетрадь вытащить из мамашиного сундука, ковыряя в замке ржавым длинным гвоздем, но так и не смогли его открыть. Ну да ладно. Скоро у Юджина будет своя, точно такая же, а может, даже еще больше, и ему разрешат рисовать в ней всякую хрень в виде крючочков, кружочков и палочек. Правда, рассказывали, что, случалось, после посещения больнички некоторые оставались там навсегда и в деревне больше не появлялись. Но это бывало очень и очень редко. Сам Юджин такого припомнить не смог, а это значило, что подобного – по крайней мере, с ним самим – случиться не могло.

Телега, жужжа старым коллекторным электромотором и ныряя пластиковыми колесами в грязные лужи на проселочной дороге, вот уже два часа бодро катилась меж низких придорожных кустов, заслоняющих собой вид на невспаханные еще поля чечевицы. Пшеница на землях кантона Дугон по какой-то причине была малоурожайной, зато чечевица позволяла числиться в передовиках. А ростки пиоки, собранные вручную на болотах, вообще ценились на вес циркония. Высокий плетеный забор крайсштадта вполне ожидаемо вынырнул из-за очередного глиняного бугра. Здесь, перед самым городским

плетнем, нужно было быть повнимательнее: болотные струки, древесные пупырчатые ядовитые жабы, зубастые, маскирующиеся под цвет корней деревьев, толстые бредни, да и вся обитающая в окрестных лесах живность жались к манящим запахам помоек, которыми изобиловала округа обитаемого клочка земли.

Сестра резко дернула на себя металлическую ручку захвата трансмиссионной муфты и пустила телегу накатом вниз по склону, к распахнутым воротам города. Над ними, где раньше, еще год назад, висела стальная перекладина с красовавшейся надписью: «Орднунг убер аллес», теперь было натянуто яркое полотнище рекламы. Постоянно меняющееся изображение розовых рулончиков туалетной бумаги сопровождалось текстом: «Твоя попка улыбается», но улыбалось при этом бородатое лицо какого-то мужика с идеальным прикусом блестящих белых зубов. Когда телега наконец остановилась, Юджин весело спрыгнул на пыльную землю парковки. В центр, где располагалось здание клиники, можно было пройти только на своих двоих. Сестра, обвязав мальчишку длинной веревкой за талию, чтобы не потерялся ненароком, повела его по хорошо утоптанной, широкой – метра четыре в поперечнике – улице. Город действовал на Юджина удручающе. Ему все время казалось, что или высоченные, в три, а то и четыре этажа здания вот-вот рухнут на него, или толпа спешащих навстречу людей оторвет его от сестры и унесет за собой. Даже конец крепкой веревки в руках девушки уже не казался достаточно надежным средством в этом кипящем человеческом муравейнике.

Здание больнички ничем не выделялось среди точно таких же серых безликих каменных глыб. Разве что перед входом в него стояли двое сонных сторожевиков с длинными ружьями, служащими им не то для устрашения окружающих, не то для придания устойчивости собственным телам. Один из них поднял на сестру бессмысленный сонный взгляд и кивнул на входную дверь, приглашая войти внутрь темного холла…

Клякса была шикарной. Центр ее отливал фиолетовым, но ближе к краям цвет бледнел и переливался алыми и розоватыми оттенками.

– Это перекресток мечты, – уверенно выдал Юджин и, оторвав взгляд от завораживающей своей красотой картинки, посмотрел в глаза обескураженной врачихе. Та, машинально поправив на голове белый колпак, непонимающе уставилась на этого мелкого деревенского прыща, который, казалось, вот-вот

съест эту нелепую карточку глазами.

– Ну вот же, одна мечта пересекается с другой, они сливаются, перемешиваются и взрываются новыми красками, новыми…

– Хм-м-м…

Спустя минуту Юджин пожалел, что зря он так. Лучше бы подумал и сказал что-нибудь более простое и банальное, например, что клякса похожа на бабочку или на помет трихвоста, а не выдавал первое, что пришло в голову. А то вдруг тетка решит, что он ненормальный, и не разрешит родителям отдать его в школу. Или вообще ей чего поинтересней в голову взбредет. Но какой-то восторженный таракан в голове аплодировал ему стоя. И вот ради этого благодарного слушателя стоило, наверное, радоваться, глядя на свое отражение на глянцевой поверхности стола, на котором и были разложены различные сюрреалистические рисунки. Врачиха перевернула карточку кляксой вниз и открыла перед мальчиком другое изображение. С поверхности открытки на Юджина уставилось ветвистое дерево без листьев, зато с двумя висящими на ветках зелеными яблоками, крупными, похожими на хитрые глазки хрюхаря, живущего в дупле на опушке рядом с домом.

– Это мозг и два его глаза. Видно же, вот левое полушарие, вот правое…

Докторша недоверчиво покосилась на парнишку и, собрав картинки в стопку, сбросила их в открытый ящик стола.

– Ну хорошо, мозг так мозг. Молодец, что напомнил. Давай-ка пересаживайся вот сюда и башкой не крути. Сейчас будем читать твои мысли. Страшно?

Юджин подошел к креслу и одернул свою длинную, ниже колен, парадную рубаху. Сиденье было мягким, с множеством подушек и подпорок. Даже спинка кресла заканчивалась специальным валиком, в который было приятно упираться затылком. Если бы такое было у деда, тот наверняка вообще бы не просыпался, ну разве только почуяв во сне запах настойки.

– Нет, не страшно. Я знаю, что вы наденете мне на голову корону из тонких серебристых проводков и будете показывать мультики. Какой же ребенок не любит смотреть мультики?

Он аккуратно забрался в ложе нейроанализатора и выжидающе уставился на экран, висящий напротив.

– Если можно, покажите мультик про круглого пешевара и зеленого дракона. Это мой любимый.

Врачиха покачала головой и стала подключать электроды к келемитовому обручу, из которого был выполнен сердечник сканера. Потом подала на сканер питание и откалибровала его по базовой активности нервных центров пациента.

– Про драконов у нас нет. Но тебе все равно понравится.

Она щелкнула переключателем, и на экране появилась концентрическая спираль, раскручивающаяся против часовой стрелки. Пару раз недовольно шмыгнув носом, Юджин закрыл глаза…

Сестра мальчика сидела за столом перед администратором медицинского центра, не замечая, как по ее щеке катится крупная слеза. Руки с такой силой сжимали подлокотники хлипкого офисного кресла, что даже пальцы побелели. Было видно, что девушка очень старается держать себя в руках, но удается плохо. Соленая капля стекла по щеке и должна была вот-вот упасть на простенький, украшенный ручной вышивкой серый сарафан.

– Вот, выпейте.

Администратор пододвинул стаканчик, наполненный прозрачной жидкостью с терпким запахом. Девушка дрожащей рукой, стараясь не разлить, опрокинула содержимое мензурки в рот и вновь ухватилась пальцами за подлокотники.

– Что я скажу родителям?

Новая крупная капля скатилась по щеке и упала на ткань сарафана.

– Не нужно ничего говорить. В документе все написано. И перестаньте лить слезы. Вашей семье дается право завести еще троих детей, причем при

рождении первого родители получат государственное финансирование на его полное содержание и стандартное обучение. Эта сумма настолько превышает заработок родителей, что позволит вам наконец подумать и о собственной судьбе. – Администратор загадочно возвел взор на идеально белый и ровный потолок своего кабинета. – Мне такого, поверьте, еще никто не предлагал. И вообще… – Он забрал со стола и брезгливо сунул в урну пустой стаканчик, из которого девушка пила успокоительное. – Существует закон, а выполнение законов – наш с вами долг. Вы ведь патриот нашей родины?

Администратор постарался как можно строже посмотреть в глаза этой заливающейся слезами деревенской телке. Видимо, удовлетворившись реакцией собеседницы, он нажал на кнопку вызова охраны и попросил тут же сунувшего голову в проем приоткрытой двери сторожевика довести девушку до ее телеги и проследить, чтобы та без эксцессов покинула город.

Пункт 10.12

Монах, завернутый в ярко-оранжевый плащ, тонкая ткань которого собиралась в тугие узлы на плечах массивными серебряными пряжками и свободно падала вниз до самых пяток, осторожно присел в рабочее кресло дежурного психолога медицинского центра. Едва шевеля тонкими пальцами длинной узкой ладони, он листал интерактивные страницы личной карты пациента, поступившего приблизительно в полдень, и удовлетворенно кивал в такт движениям наголо бритой головой. Сам он прилетел час назад, еще до заката, но успел уже детально изучить полученную информацию. Мужчина был удовлетворен, скорее даже доволен, но по совершенно беспристрастному лицу угадать это было почти невозможно. Леонора, дежурный психолог центра, смогла вздохнуть с облегчением только после того, как гость электронной подписью подтвердил ее вердикт, на основании которого мальчика было рекомендовано передать Ордену. Невыраженный сбалансированный экстраверт с распределением 55%I, 60%N, 98%T, 92%J, 32 %A. Такое распределение по третьей и четвертой шкалам психотипа сама Леонора встречала впервые и до последнего момента боялась, что допустила ошибку в интерпретации результата сканирования.

Жрец оторвал взгляд от голомонитора и впился холодными неподвижными глазами в свою подчиненную, которую, впрочем, сам встретил первый раз в

жизни.

– Где мальчик сейчас?

Леонора дернулась, как будто ей на язык положили два электрических контакта, но не смогла оторвать взгляда от серо-зеленых глаз монаха.

– Пункт 10.12 инструкции. Мальчик находится в состоянии гипнотического сна и ожидает отправки в расположение Ордена. – Почувствовала, как краснеют кончики ушей, и как бы невзначай поправила на голове медицинский колпак.

– Хорошо. Вы все сделали правильно. Молитесь богине, уверен, она сможет по достоинству оценить ваше рвение к работе.

Монах легко и очень быстро поднялся из-за ее рабочего стола, но это движение не было порывистым или угловатым, женщине показалось, что его тело перетекло из положения сидя в стоячее, словно ртуть. Чуть приподняв и развернув ладони в сторону Леоноры, он благословил ее стандартным жестом, что означало окончание визита.

– Грузите.

Монах повернулся к двери кабинета и, выйдя в коридор, дал знак ожидающему его администратору, чтобы тот следовал за ним в дисколет, припаркованный на открытой площадке, отгороженной от внешнего мира кольцом корпусов медицинского центра.

В этот городишко Чупанок, захолустный даже с точки зрения коренных обитателей удаленной от центра цивилизации четвертой планеты мира Гернетон, Леонора была направлена работодателем сразу после окончания столичного университета. Орден оплачивал ее обучение, он же подписал с ней контракт, по которому молодая способная девушка должна была в течение пяти лет работать на условиях, которые ее спонсор сочтет приемлемыми. Однако жаловаться на работу или тем более оплату Леонора не имела ни повода, ни желания. Ее не смущало даже непреложное условие контракта, запрещающее обзаводиться собственной семьей. Выходить замуж здесь было просто не за кого. Впрочем, был Брикс, администратор, но Орден тем более не приветствовал браки между сотрудниками. Жилье предоставлял наниматель, питание,

спортивные тренировки, регулярные медицинские осмотры также входили в перечень сервиса, предоставляемого Орденом каждому наемному сотруднику. Работать на Орден было легко. Наверное, потому, что каждый шаг был заранее кем-то продуман и определен подробными и понятными инструкциями, которые поощряли научную деятельность в рамках ее компетенции. Казалось, она даже не выходила из стен университета, а просто перешла из одного его крыла в другое. Только здесь она сама ставила себе научные цели, сама определяла этапы и методы их достижения и сама оценивала свои успехи, регулярно отчитываясь перед молодым, очень эрудированным, уравновешенным (хотя, скорее, совершенно лишенным эмоций) и… бритым налысо, но от этого не менее симпатичным мужчиной. Параллельно, конечно, проводя ежедневные рутинные тестирования детей, регулярно входящих и выходящих через ничем не примечательный парадный вестибюль центрального корпуса, граничащего своей внешней стеной с пыльными улицами Чупанока. Обилие инструкций не позволяло детально изучить ребятишек заранее, да и вряд ли это было необходимо. Поэтому пункт 10.12 стал для дежурного психолога полной неожиданностью, от которого ее бросало то в жар, то в холод вот уже три с лишним часа. За полгода работы на этом месте она впервые задумалась, зачем все это время через ее руки проходило такое количество маленьких пациентов.

Тесты показали, что мальчик безусловно талантлив и мог бы стать выдающимся инженером, художником или даже районным лидером. А его выдергивают из привычного мира и… И что? Долой неординарность? Остается серое болото деревенских отличников, хорошистов и троечников, которые замечательно адаптируются в текущей ценностной системе и будут законопослушными и лояльными к ней гражданами?

Может, и к лучшему. Потому что мальчик, повзрослев, но не найдя возможностей для реализации необычных талантов и наклонностей, просто спился бы. Или превратился в маньяка. Но как же семья? Мать, отец… Что значит для них потерять ребенка? Она слышала, как администратор выпроваживал сестру пациента обратно в деревню. «Ты ведь патриот своей родины?» Нет, Брикс неплохой парень, но зачем же так казенно, прикрываясь пафосными словами?..

Леонора выключила освещение, потом снова включила все лампы в кабинете. Дисколет куратора бесшумно взмыл вверх с площадки центра и растаял в темноте ночи еще полчаса тому назад. Она подошла к шкафчику с реактивами, приподняла пузатую бутыль с прозрачной жидкостью и, откупорив плотную затычку, плеснула в стакан для воды, стоящий возле кулера. Потом аккуратно

убрала бутыль обратно и, зажмурившись, опрокинула обжигающий напиток в рот. Горло сдавило судорогой, но жидкость успела упасть вниз, и почти сразу голову заволокло серым, нестойким, колышущимся туманом. Она тяжело опустилась на то же место, где еще час назад сидел жрец. А может, все не так? Может, мальчишку спасли от мельницы, которая выравнивает и притирает своими жерновами кирпичики, из которых сама же и состоит? А столкнувшись с личностью, неспособной безапелляционно принять ее ценности, начнет потрошить и ломать столь редкий и ценный для кого-то продукт. Леонора включила голомонитор консоли и попробовала активировать инструкцию по обработке результатов тестирования. Оказалось, что весь десятый параграф доступен только в том случае, если сканер передает данные, а объект исследований находится в кресле.

– Ну и хрен с вами…

Она опять распечатала бутыль и наполнила пластиковый стаканчик. На этот раз спирт прошел через пищевод куда проворнее, придав психологу излишнюю в такой ситуации уверенность в своей правоте. Хронометр коммуникатора показывал двадцать три сорок пять. Самое время посмотреть, выключил ли Брикс свою консоль и какие преимущества имеет администратор комплекса по сравнению с рядовым дежурным персоналом. Тихонько просочившись в темный коридор, сунула нос в приоткрытую дверь кабинета. Брикс всегда нервничал, если по какой-то причине его консоль вырубалась из закрытой сети Ордена, настолько нервничал, что предпочитал вообще не отключать консоль. Так и вышло. Призрачное зеленоватое сияние монитора в темной комнате отбрасывало на белые стены замысловатые неприятные тени. Доступа к десятому параграфу не было даже у него. Зато сразу открылась база посещений. Пришлось перенастроить фильтр на прошедшие сутки, и – о чудо! – статистика была девственно чиста. Согласно отображенной таблице никто из пациентов вчера к Леоноре не обращался и никаких тестов она, оказывается, не проводила…

Психолог закинула ноги на столешницу и перешла в меню переписки с Орденом. Нет, обычно она не злоупотребляла спиртным. Лишь пару раз перед экзаменами мальчишки в универе таким образом помогли ей снять стресс. Причем если девушки честно зубрили лекции, то парни только этим и занимались, однако экзамены сдавали куда успешнее своих однокашниц, и это было обидно.

Дверь кабинета бесшумно распахнулась. На пороге стоял Брикс. Он потянул носом воздух.

– Не пойму, ты празднуешь или наоборот? Могла бы и пригласить за компанию…

Отводя глаза от длинных девичьих ног, торчащих над столом, он вошел в кабинет и бросил короткий взгляд на монитор консоли.

– Шла бы ты, Лео, спать, завтра куча отчетов…

Леонора поднялась и, одарив откровенно заинтересованным взглядом вошедшего в собственный кабинет администратора, пошатываясь вышла в коридор. Брикс присел на освободившееся кресло и печально покачал головой. Как монах мог все это предвидеть? Ведь именно он попросил Брикса не закрывать кабинет на ночь. Теперь придется подыскивать нового специалиста, писать длинный отчет о нарушении субординации… «Шило в жопе» – так его бывший куратор в высшей школе управления называл параметр психотипа Альфа, у мальчика он составил тридцать два процента, у него самого этот показатель был равен тринадцати. Вообще показатель выше двадцати пяти встречался редко, и именно он был решающим в отборе, которым занимался Орден. Не сам по себе, конечно, а в совокупности с другими показателями. Зачем им это? Впрочем, на Гернетоне такие характеристики стали бы для мальчишки сущим проклятием. А ситуации, в которую сегодня попала Лео, преследовали бы его постоянно.

## Монах-послушник

Юджин, выплюнув зубную пасту, прополоскал рот, посмотрел в зеркальце на свои ровные блестящие зубы и, улыбнувшись еще шире, стянул с себя тонкую, пропитанную потом ткань спортивного костюма. Гимнастика была здесь такой же обязательной процедурой, как и душ, завтрак или ужин. Сначала все кажется странным, утомительным, порой даже неприятным, потом привыкаешь и уже не можешь себе представить, как можно без этого жить. Холодная вода приятно обжигала кожу, организм привычно потребовал еды. Юджин еще раз поправил бледно-голубую кашаю и вышел из кельи.

В столовой было шумно, но не от болтовни послушников, а от стука разносов и легкого гула вытяжной вентиляции, спрятанной где-то за фальшпотолком. Когда новичок попал в обеденный зал в первый раз, ему он показался ульем, по которому хаотично движутся совершенно одинаковые люди без пола и возраста, но потом привык.

«Мультики в больничке» были, видимо, тоскливыми и кого угодно могли склонить ко сну. Проснулся Юджин в том же кресле – по крайней мере, так он считал, но врачиха была уже другая. Еще одним сюрпризом стала одежда. На нем был обтягивающий комбинезон из очень прочной эластичной ткани. Раньше он такой не встречал. Докторша ласково улыбнулась и пожелала мальчику хорошего дня, а за порогом кабинета его встретила не сестра, а какой-то парень. Незнакомец был одет в черную накидку с широким запа?хом, брит налысо, и если бы не заговорил с Юджином, тот, скорее всего, вообще принял бы его за странный бракованный манекен из одежной лавки.

– Привет. Надеюсь, ты не очень торопишься?

Ровный спокойный голос, казалось, не спрашивал, скорее утверждал. Этот голос словно ухватил мальчика за рукав и потянул за собой.

– Но там сестра…

– Она уехала, ее попросили оставить тебя здесь на некоторое время. Родителей тоже предупредили, поэтому, поверь мне, время у тебя есть.

Юджин понимал, что выходить одному из больнички в город совершенно незачем, но в глубине подсознания подпрыгивал какой-то маленький чертенок, не желавший подчиняться этому лысому чучелу.

– А как же мой хрюхарь, кто его накормит?

«Чучело» бросило на мальчика заинтересованный взгляд, или так только показалось?

– Дикие животные вполне способны эффективно решать проблемы с пропитанием вне зависимости от присутствия человека. Не думаю, что твой

хрюхарь умрет с голоду, пока мы с тобой немного пройдемся по зданию. Или тебе это совсем не интересно?

Конечно, он был прав. Очень интересно. А после того, как Юджин под присмотром проводника вошел в просторный, хорошо освещенный зал, большую часть которого занимали доселе не виданные мальчиком механизмы, похожие на огромных металлических птиц, поблескивающих вороненой сталью, он совершенно забыл, что такое время.

– Это тренажеры швертджамперов, космических истребителей. Тебе ведь нравится летать?

От этого ненавязчивого вопроса у Юджина распахнулся рот, а его будущий наставник легонько подтолкнул мальчика к лесенке, ведущей в открытый люк рубки управления кораблем.

Оказалось, что для полетов на этой махине необходимо знать кучу всяких вещей, которые называл наставник: физику, математику, географию, навигацию, геометрию… В общем, Юджин решил задержаться немного в своем новом доме, тем более что, по словам монаха, и отец, и мать были только рады, что их ребенку выпала такая удача – учиться в специальной школе Ордена. Скучать по родным было просто некогда. Уже на следующий день мальчика в группе таких же послушников загрузили на дисколет и высадили на настоящем «необитаемом» острове. Неделю их обучали делать самодельное оружие, разводить огонь, добывать пищу, а на закате мелюзга, звонко смеясь и плескаясь в соленой воде, прыгала на песчаном мелководье одной из бухт сказочного островка. И что интересно, наставники даже не пытались кого-то заставлять что-то делать. Все выходило само собой. Воспитанник задавал вопрос, ему объясняли, показывали, предлагали попробовать, помогали, хвалили, поправляли… Почему раньше было не так? Почему та же сестра по любому поводу орала и норовила отвесить подзатыльник или делала вид, что занята каким-то срочным делом? Может, она сама не знала ответов на его вопросы?..

В столовой творилось что-то необычное. Юджин едва протиснулся от входа в сторону стойки с разносами и не сразу понял что. По дороге пару раз наступил кому-то на ногу, раз семь извинился за то, что вынужден пихаться, но на него не обращали внимания. И лишь когда он пробился сквозь толпу воспитанников, до него наконец дошло, что объявлена «дуэль». Так было принято в среде

послушников Ордена. Если конфликта невозможно избежать или разрешить с помощью наставников, воспитанники вступали в прямое столкновение – физическое либо интеллектуальное, форму «дуэли» выбирала вызываемая сторона. Сейчас был как раз тот случай, когда оба спорщика только-только сошлись врукопашную и, не стесняясь, применяли полученные в ходе обучения навыки. Бой длился до первой крови либо до касания одного из «дуэлянтов» пола головой. Впрочем, после завершения схватки оба драчуна должны были принести извинения как друг другу, так и своим наставникам. Юджин в первый раз подрался из-за того, что впопыхах, не нарочно, толкнул чужого наставника, и его воспитанник тут же объявил ему вызов. Юджин пожал плечами и согласился на рукопашную, в деревне это вообще было в порядке вещей, и не то что страха, даже неловкости перед этой процедурой он не испытывал. Предполагал, что нужно всего один раз попасть противнику кулаком в нос. Но вышло еще быстрее: его удар провалился в пустоту, а тело, описав в воздухе замысловатый кувырок, рухнуло на газон спортивной площадки. Оба наставника, признав поражение Юджина, пожали друг другу руки. Противник помог подняться на ноги и, извинившись, назвал свое имя.

– Граноп меня зовут. А тебя? Ты не расстраивайся, ты быстрый, просто очень прямолинейный. Приходите с наставником после чтений в свободную секцию, если он тебе одобрит боевое мастерство, я готов встать с тобой в пару.

## Первый экзамен

Учиться оказалось легко и ничуть не страшно. Правда, никакой толстой тетради и цветных стилусов Юджину не вручили, да они и не были нужны. Знакомство с любой полезной информацией происходило в игровой форме через самоорганизующийся интерактивный интерфейс. Так это называл Беннинг, наставник Юджина. Более интересных игр и представить себе было трудно. Никто не стоял над мальчиком с палкой, никто не задавал домашних заданий и не делал посмешища из стоящего у доски ученика.

Чтение и письмо Юджин освоил за пару недель. Счет и простейшие операции с числами – еще быстрее. Но самым любимым его занятием в первый месяц игровой программы стала стереометрия. Юджин необычайно быстро и четко схватывал изображения объемных фигур, легко находил плоскости их

сопряжений и дошел до пятнадцатого, последнего уровня ознакомительного цикла меньше чем за три дня. И что интересно – только очередная часть программы обучения завершалась, хотелось как можно быстрее приступить к следующей. Беннинг, тенью сопровождавший воспитанника первую неделю его пребывания в пределах игровых, спортивных и жилых функциональных зон локации Ордена, делал это так ненавязчиво, что Юджину казалось, будто он сам, без посторонней помощи, так быстро разобрался во всех тонкостях взаимоотношений со сверстниками и особенно с автоматикой тренировочного комплекса. Последняя денно и нощно оберегала обитателей локации в основном от них же самих. Бывало, правда, накатывали тоска, воспоминания, нестерпимое желание вернуться, но…

Беннинг, как всегда неожиданно, оказался перед Юджином еще на утренней разминке и, бросив на него оценивающий взгляд, произнес:

– Ты рыбу удочкой умеешь ловить? Отлично. Завтракаем вместе, а потом на рыбалку…

Легкий пятиместный катер на воздушной подушке, пофыркивая и брызгаясь чистой водой озера, сбросил скорость и, медленно оседая на воду, протиснулся между нависающими над мелководьем молодыми зелеными побегами стерра. Уткнувшись носом в песок прибрежной кромки, он еще легонько покачивался из стороны в сторону, когда ребята уже начали раскладывать на корме снасти и выковыривать из пластикового контейнера живца.

– Беннинг, сколько тебе лет?

Наставника, вот уже почти год опекающего ученика, вопрос ничуть не смутил, и он продолжал ловко нанизывать наживку на крючок.

– Мне? Четырнадцать. В Ордене я уже шесть лет. Ты ведь это хотел узнать?

Юджина всегда поражала его догадливость. С одной стороны, Беннинг никогда не навязывал своего мнения и даже не пытался лидировать или подчеркивать свое преимущество, и был скорее опытным другом, старшим братом подопечного. Но, с другой стороны, Юджин каждой клеточкой своего тела ощущал недосягаемую пока его пониманию силу, исходившую от приветливого и очень спокойного паренька. Наставник не просто знал обо всем, что чувствует

или переживает его питомец, казалось, он и сам чувствовал и переживал то же самое вместе с ним. А ведь сестра Юджина была старше Беннинга на целых три года, но они с братом не особенно понимали друг друга.

Первая поклевка не заставила себя долго ждать. Не пытаясь судорожно выдергивать леску из воды, Юджин аккуратно повел поплавок в сторону, и только убедившись, что рыба не хочет или уже не может выплюнуть коварную подачку, подсек и уверенно потянул леску на себя. Добыча размером в две ладони ожесточенно махала хвостом и растопыривала жабры. Она шмякнулась на дно катера и, подпрыгивая, поскакала под кормовую банку.

– Она все еще думает, что сможет освободиться?

Юджин потянул леску, вытаскивая рыбину из-под банки.

– Она не думает. Она борется за свою жизнь и будет бороться до конца. Такое поведение кому-то покажется нерациональным, но это единственно возможное поведение, которое при определенном стечении обстоятельств может решить ее судьбу.

Юджин кивнул головой, давая понять наставнику, что уразумел. Он вывернул крючок и вытащил его из кровоточащего рта серебристой скользкой пленницы. Та делала вид, что наконец успокоилась, а может, просто иссякли силы бороться с непреодолимым. Юджин повернулся к садку и разжал ладонь. В этот момент рыба изогнулась дугой, вложив в это движение все оставшиеся силы, и ударила рыбака хвостом по ладони. Ее швырнуло в сторону, за борт катера, и, прощально блеснув чешуей на солнце, она плюхнулась в воду.

– Глупо. Она ранена, ей не выжить. Ее все равно кто-нибудь съест.

Беннинг улыбался очень редко, но сейчас он широко ухмыльнулся и кивнул:

– Да, возможно. Но это будешь не ты…

Юджин изрядно вывозился, пока разводил костер, и недоуменно наблюдал за тем, как наставник чистил и потрошил их улов в полдюжины среднего размера рыбешек – на черной накидке не было заметно ни одного грязного пятнышка.

Костер весело потрескивал, тонкая голубоватая струйка дыма поднималась вверх, шевеля влажные листья нависающих над полянкой кряжистых ветвей.

– Уффрррооп…

Звук раздался совсем рядом. Казалось, какой-то лесной великан, приподняв с земли свой зад, выпустил из брюха газ. Беннинг аккуратно положил на листву – не бросил, именно положил – нанизанные на прутик рыбные тушки, и в его глазах мелькнула черная молния осознанной опасности. Нет, это был не страх, а скорее решимость немедленно вступить в бой. Тело его словно потекло, смещаясь в сторону кустов, а из-под правой полы кашаи выпорхнуло короткое широкое лезвие острого клинка.

– Это уфроп. Сиди тихо и не шевелись, что бы ни произошло.

Отец Юджина в детстве несколько раз упоминал уфропов, как правило, когда сын не хотел ложиться спать и капризничал. Став постарше, он узнал, что еще его прадед сталкивался с этими хищниками в лесах, окружающих деревню. Подобные столкновения не сулили ничего хорошего даже вооруженному человеку. Уфроп превосходно умел маскироваться и был отчаянным бойцом. Его длинные когти легко вскрывали силовую охотничью броню, не говоря уже о грудной клетке противника. В общем, вечерним пугалом для непослушных детей уфропа выбрали совершенно справедливо. Юджин внутренне сжался. Он прекрасно осознал свою роль в игре голодного хищника и двух, по сути, невооруженных мальчишек. Уфроп любил полакомиться древесными хрюхарями, это Юджин знал наверняка. Он повернулся лицом к зарослям и, имитируя жалобный писк хрюхаря, крикнул:

– Мили-мили-мили…

Кусты тут же зашевелились, и между ними просунулась огромная клыкастая пасть, увенчанная стебельками мутноватых глазных горошин. Уфроп жадно потянул воздух ноздрями и, удовлетворенно крякнув, сделал еще два шага вперед, полностью вытащив свою промокшую вонючую шкуру из кустов. Теперь между ним и мальчиком оставалось не более четырех метров, этого расстояния вполне хватало для последнего прыжка хищника. Что-то холодное заполнило грудь Юджина, вытесняя остатки мечущегося между ребрами страха. Он решительно вытащил из костра охваченную пламенем корявую ветку и резким

движением сунул ее в нос незваному гостю. Тот отпрянул, на секунду потеряв контроль над окружающим пространством, и в этот момент словно из пустоты вынырнул короткий широкий клинок и вонзился зверю в основание черепа по самую рукоятку…

Мастер

– Мастер?..

Мастер, тот самый монах, который забирал Юджина из медицинского центра заштатного провинциального поселка, гордо именуемого городом, смотрел на Беннинга, монаха-наставника второго круга, стоящего в его кабинете, сложив ладони перед грудью, в ожидании разрешения войти. Кабинет представлял собой абсолютно пустое кубическое помещение с выкрашенными в белый цвет стенами и потолком. Источником света служила яркая узкая щель, идущая над верхним краем стен по всему периметру потолка. Пустоту помещения нарушали только его хозяин да еще короткий меч в ножнах, парящий на силовых кронштейнах в центре белого квадрата дальней от входа стены.

– Проходи.

Мастер Вагнер приглашающим жестом указал юноше на ковер для посетителей. Сам он, сложив ноги в позе лотоса, сидел напротив на голом полу. Когда Беннинг вошел, мастер отодвинул от себя силовую доску, служившую столешницей рабочего места, и по обыкновению не стал тратить времени на приветственные речи, сразу приступив к делу:

– Ты молодец. Я просчитал вероятности отклонения от основного вектора событий твоего сценария. Идеальная картина. Лучшего планирования и исполнения операции я, признаюсь, еще не видел. Поверь, это не пустые слова. Самым трудным было, видимо, найти живого уфропа?

Беннинг скромно кивнул и, демонстрируя признательность мастеру за высокую оценку, поклонился, чуть подавшись корпусом вперед. Было чем гордиться. Его воспитанник Юджин всего за год блестяще освоил начальную программу

обучения, а месяц назад на «рыбалке» успешно сдал сразу два теста: на верность и на доблесть. При этом он продемонстрировал завидную эмоциональную стабильность. Лишь два раза за весь прошедший год непрерывно отслеживающий психофизиологические параметры мальчика искусственный интеллект обучающей системы зафиксировал критические дельта-отклонения и настоял на личном вмешательстве в ситуацию Беннинга, а такого за время своего служения в Ордене он припомнить не мог. Обычно психологические срывы у новичков происходили гораздо чаще, особенно первые полгода их присутствия в локации начального круга. И тем чаще, чем старше новобранец. Плюс ко всему, возможно, он питал к своему воспитаннику чувства более глубокие, чем долг наставничества. Мальчик стал для него младшим братом, хотя тем самым нарушалось одно из основных правил Ордена – «ничего личного». Монах служил только одному богу, точнее богине, и любая другая привязанность рассматривалась как нарушение догмата беспристрастности. Юджин был далеко не первым его воспитанником, но прежде Беннинг никогда не замечал за собой подобных отклонений от требований устава. Это могло сыграть как положительную, так и отрицательную роль в их дальнейших судьбах. Монах невольно предъявлял к своему воспитаннику более жесткие требования, исключая любые послабления, которые зоркий «глаз» обучающей системы мог трактовать не в его пользу. Но, похоже, пока удача была на его стороне.

Мастер, словно прочитав мысли монаха, посмотрел ему в глаза.

– Я признаю право мальчика на переход во второй круг. Мы отправляем его на Репнек, на базу начальной подготовки послушников второго уровня. Ты ведь, если я ничего не путаю, проходил подготовку именно там?

База на Репнеке специализировалась на подготовке бойцов. Конечно, все учебные центры Ордена обучали своих воспитанников боевым искусствам и немало времени тратили на их обучение выживанию в условиях дикой природы, но на Репнеке готовили бойцов Черного легиона. Там готовили элиту Ордена, способную убивать как голыми руками, так и посредством самых последних технических достижений, которыми овладело человечество. Далеко не все воспитанники затерянной на просторах никем не заселенной планеты соседней системы в конечном итоге попадали в Черный легион, но одно только упоминание, что монах побывал там и вернулся живым, делало его в глазах других членов Ордена человеком, способным на многое. Откуда появилось это название, никто не помнил, может, оно возникло потому, что только офицеры

Ордена имели право носить на плечах черную кашаю? Может быть. Но наверняка на то имелись и другие причины.

Беннинг, как ни старался, не смог скрыть разочарования решением о переводе Юджина в другой лагерь.

– Значит, у мальчика будет новый наставник?

Мастер, обозначив в голосе вопросительные нотки, задал тот самый неприятный вопрос, от которого Беннинг старался по возможности уклониться, потому как утаить что-либо было невозможно.

– А тебя это расстраивает?

Монах каким-то шестым чувством понимал, что мастер по-иному трактует его смущение. Видимо, решил, что Беннинг не хочет расставаться с воспитанником по причине формирования личной карьеры в Ордене. Понятно же, что успехи учеников прямо влияют на продвижение наставника.

– Скорее да, чем нет.

Мастер удовлетворенно откинул назад бритую голову.

– Он останется на твоем попечении. А вот ты для меня больше не воспитанник…

Произнеся это, он снял с шеи амулет мастера, на котором был изображен уроборос, или шеша, – извивающаяся змея, кусающая собственный хвост. Тонкая серебряная цепочка с шелестом собралась на ладони, и Вагнер протянул ее бывшему ученику.

– Учись у тех, кого обучаешь!

– Оценивая воспитанника – оценивай себя!

– Не лги воспитаннику – не лги самому себе!

– Не жди награды – служение Ордену и есть награда!

Так сложилось, что этот отрывок избранной мантры наставник изрекал, прощаясь с воспитанником. Сам Беннинг много раз произносил его послушникам, которые получали право перехода во второй круг.

– Возьми это. Ты достоин перехода в третий круг. Ты теперь мастер-наставник, и этот кабинет тоже твой. Впрочем, ты, вероятно, предпочтешь обустроиться на Репнеке?

То, что Беннинга наконец перевели в третий круг, было вполне ожидаемо. Во втором он оставался гораздо дольше многих его однокашников. Почему? Он часто задавал себе этот вопрос. Беннинг успешно прошел подготовку на Репнеке и рассчитывал, что будет направлен в одно из подразделений Черного легиона, но наставник удерживал его рядом с собой на Стахе. Все его ученики-новобранцы успешно осваивались в Ордене, сдавали тесты и переходили во второй круг, оставаясь под его попечением в соседней секции локации на этой же планете, либо переводились в другие лагеря, но Вагнер как ни в чем не бывало продолжал подкидывать ему молодняк. Может, уже давно готовил его к роли мастера? Может, даже знал о своей собственной судьбе?

Беннинг был удивлен и, как бы ни были тренированы его эмоции, не смог удержаться от неуместного вопроса:

– А вы, мастер… Извините, не знаю теперь вашего статуса…

Вагнер улыбнулся уголками губ, прощая слабость бывшего воспитанника.

– Меня пригласили пройти посвящение. Но я не останусь на родине, улетаю и буду заниматься новым проектом.

В этой короткой, как бы невзначай сказанной фразе таилось столько потаенного смысла, что тело Беннинга чуть не потеряло равновесие и не привалилось к стене комнаты. Посвящение – высшая стадия устремлений для любого монаха – означало доступ к личному общению с богиней. Совет посвященных – группа монахов, управляющая Орденом, – формировался из самых достойных, полностью удалившихся от мирской суеты и отдавшихся служению. Говорили, что лишь монахи пятого, последнего, круга удостаивались чести посвящения, а

уж для монаха, только-только перешедшего в четвертый круг, это было великой благодатью! Говорили также, что посвященный сам становится полубогом и ему открывается бесконечность истин, на которых стоит Вселенная. Теплая волна гордости за наставника переполняла Беннинга, и он в отчаянном порыве упал перед своим бывшим учителем ниц.

Вагнер положил руки на плечи нового мастера, благословляя его, и, легко поднявшись на ноги, двинулся к выходу из кабинета, не забыв, впрочем, забрать со стены именной меч.

– Служи с честью, брат монах…

## Второй круг

– Почему? Может, я неправильно организую оборону?

Юджин опустил острый подбородок на ладони, упираясь локтями в загорелые колени. Эту стратегию начального уровня он провалил уже три раза подряд и был жутко раздосадован промахом. Зачем было учебной программе подсовывать ему непреодолимое задание? Ну зачем? Он быстро отстраивал поселок, рабочие заготавливали древесину, продукты питания, возводили корпуса фабрики по производству оружия, приступили к добыче руды. В перерывах между дежурствами на границе солдаты тренировались и повышали свой коэффициент эффективности. Как только противник совершал вылазку в сторону его владений, он выдвигал к границе войсковые части, а рабочих уводил с рудника и прятал за стенами крепостей, люди оставались целы и невредимы. Но натиск противника усиливался, и на каком-то этапе у него заканчивалась руда, переставало хватать оружия и солдат, поселки разрушались, и он проигрывал агрессору.

Беннинг вышел на связь не сразу, но ему хватило несколько секунд, чтобы разобраться в проблеме.

– Задача очень проста, но если я расскажу тебе, в чем дело, это не продвинет тебя в понимании собственной ошибки. Но я попробую дать тебе нить к ее

постижению. Ты грамотно начинаешь разворачивать базу, но на определенном этапе путаешь приоритеты. Вот представь, ты – защитник улья с пчелами, на который напали шершни. Ты силен, но не всемогущ. В любой, но только в одной опорной точке этого улья ты можешь дать отпор шершням. Например, защитить один из входов в улей. Ты сможешь спасти его?

Юджин представил себе, как он отмахивается коротким острым мечом от наседающих на него жирных полосатых монстров, вооруженных ядовитыми жалами.

– Нет, конечно. Они проникнут через другие входы и перебьют моих пчел…

– Тебе жалко пчел. Но если ты спасешь улей, ты сможешь восстановить поголовье рабочих особей. Так кого тебе нужно спасти, чтобы в итоге не погибла вся колония?

Юджин бросил на голограмму своего наставника недовольный взгляд.

– Нужно защищать матку. И тогда шершни убьют всех, разграбят припасы и уйдут. Так? – Изображение Беннинга покрылось легкой рябью, но Юджин разобрал, что тот кивнул в ответ. – Но ведь люди не пчелы. Разве можно посылать их на верную смерть? Разве их жизни – не высший приоритет для меня?

Наставник восстановил связь.

– Их жизни являются для тебя ресурсом. Таким же, как вода, продукты, металл, топливо. И сам ты являешься чьим-то ресурсом. В конце концов, исполнить высшую волю – это наше с тобой предназначение, наш долг. Разве ты еще не понял? Неужели результат, в котором благодаря тебе выживут единицы, не удачнее результата, когда погибнут все?

Все имеющиеся в наличии рабочие под огнем противника таскали руду. Некоторые не успевали донести ее до завода, но той, которую все-таки доставляли, вполне хватало для производства оружия. Войска прикрывали только значимые стратегические центры. Крестьян никто не защищал, и их безжалостно резали, а деревеньки жгли. Но времени, выигранного за счет того, что враг был увлечен уничтожением населения, хватило на формирование

сильной группировки, которая, уклоняясь от масштабных стычек с противником, смогла взять под контроль рудники на своей территории и еще несколько за ее границей. Постепенно противник ослабил атаки, а потом полностью прекратил их. Да, территория Юджина лежала в руинах, население сократилось в десятки раз, но он выстоял и, увеличив армию втрое, вторгся на территорию агрессора. Выиграл сражение и задумчиво отключил дисплей консоли.

«Результат, когда погибнут все…» Юджин сбросил одежду и пошел в душевую кабину, скоро идти на ужин, а он вновь и вновь прокручивал в голове фразу наставника. Как странно, ни он, ни Беннинг даже не попробовали представить себе сценарий, в котором конкуренция двух противостоящих друг другу кланов не предусматривала тотального уничтожения соперника. Кто и когда, на каком этапе и как установил это правило и накрепко зафиксировал его в голове? Юджин, уже сидя в столовой и медленно ковыряясь в тарелке, наполненной отборным рисом, перемешанным с поджаренными кусочками сочного мяса, вспомнил, что шершни никогда не уничтожают улей полностью, их задача грабить, а не убивать. Пчелам от этого не намного легче, но приведенный наставником пример приобретал в этом ракурсе совершенно иную окраску…

Коммуникатор Юджина пискнул принятым вызовом, и он непроизвольно активировал линию контакта. Голограмма Беннинга выглядела гораздо ярче и не рябила, как два часа назад.

– Хочу тебя поздравить. Ты больше не послушник, а монах-курсант второго круга. Доедай ужин и возвращайся к себе. Я жду тебя в твоей келье.

Юджин одним глотком опрокинул в себя полстакана компота, вскочил с лавки и собрался было со всех ног припустить в жилую секцию, но потом осадил себя и вышел степенно, как это подобает человеку в его новом статусе, важно шлепая по плитам коридора кожаными подошвами сандалий.

– Ух ты!

На его кровати лежало несколько аккуратных свертков. Там были новая бледно-оранжевая кашая, короткий обоюдоострый клинок и ножны вместе с нательными ремнями, к которым пристегивалось оружие. Беннинг отвесил ему легкий дружеский подзатыльник и приказал переодеваться.

– Утром вылетаешь на Репнек, это твой новый лагерь для монахов второго круга. Мне он хорошо знаком, и кураторов там тоже знаю. Поверь, там будет еще интереснее, чем здесь. В этом лагере готовят бойцов Ордена…

Юджин сбросил серую накидку и начал аккуратно подгонять на себе ремни.

– А ты боец? В смысле, солдат? Ты бился с врагами?

Наставник помог подтянуть «сбрую» на спине и подал ножны.

– А ты сомневаешься? Орден не ведет регулярных войн, но работа для монаха, владеющего боевыми навыками, всегда найдется.

Мальчик закончил одеваться и, сделав пару шагов туда-сюда, упал в упор лежа, вновь подпрыгнул вверх, скрутил сальто и наконец замер перед наставником, убедившись, что одежда не мешает движениям.

– А далеко лететь?

– Да нет. В соседнюю систему Парма, через ее астероидный пояс и пространственную аномалию…

Юджин медленно раскрыл рот и, не веря своим ушам, захлопнул его, громко щелкнув зубами.

– Лететь в космос?! Лететь на швертджампере…

## Посвящение

Сея-Урта-Нага-Флоо придирчиво рассматривала претендента на посвящение через полупрозрачное панорамное стекло смотровой комнаты и наслаждалась видом его обнаженного, покрытого рельефными мышцами тела. Даже если сравнить его с каждым из тех, кого она «посвятила» или кому успела «посвятить» себя на протяжении всех своих нескольких сотен жизней, мальчик

был хорош. Лет двадцати – двадцати двух, наверное…

Она легко вспорхнула с антикварной позолоченной кушетки и, шлепая босыми пятками по теплому гранитному полу, подошла к стоящему в углу огромному зеркалу в литой бронзовой раме. Шелковый полупрозрачный халатик скользнул с плеч и с шелестом опадающей листвы, обнажающей голые сучковатые ветви деревьев, упал к ее ногам.

Не то чтобы было чем особенно гордиться, но неплохо для этого сорокапятилетнего тела. В былые годы, точнее сказать, в былые эпохи где-нибудь на невольничьем рынке Северной Америки ей бы не дали и тридцати. Длинные упругие черные волосы, скрывающие высокий лоб, узкое тонкое лицо, чуть тронутое косметикой, плотно сжатые губы, прекрасная высокая грудь с небольшими розовыми сосками, узкие бедра, покрытый легким темным пушком лобок, длинные прямые ноги… Все это добро, возможно, послужит ей еще не один год, в конце концов не факт, что сразу родится девочка. В прошлой жизни пришлось рожать три раза, прежде чем удалось достичь нужного результата. Правда, никакого удовольствия от секса тогда она не испытывала. А сегодня все должно было сложиться по-другому, она это знала, чувствовала, помнила. Подняла и резко встряхнула серебряный колокольчик. Мелодичный звук, активирующий внутреннюю циркулярную связь во дворце, звенящим перекатом наполнил смотровую залу.

– Стацин! Свежих фруктов и бокал воды…

Вагнер оделся в чистое белье, еще пахнущее озоном клинингового реактора. Старый немой монах со сморщенным, словно прошлогодний клубень картофеля, лицом, который встретил его возле входа в храм богини и с тех пор неотступно следовал за ним по пятам, жестом пригласил пройти из душа в следующее помещение храма. Он передал гостю прозрачный бокал с водой, и Вагнер сделал несколько глотков. Вкус у напитка был терпкий, чуть кисловатый и прекрасно утолял жажду. Старик, махнув рукой на барельеф с изображением юной красавицы, окутанной воздушным покрывалом из облаков, протягивающей посетителю белоснежную руку, дал понять, что настало время молитвы. После чего «картофельный клубень» шаркающей походкой скрылся за огромной двустворчатой дверью, все полотно которой было покрыто фресками сцен из жизни бессмертных.

Стацин вот уже более ста лет бессменно занимал пост Тени богини. Как и когда он лишился языка, знала, наверное, только она сама, поскольку древнее этого сморщенного старика во дворце не было никого. Сея родила его пять поколений назад, он был первым ребенком ее тогдашнего тела и, как многие ее дети мужского пола, стал монахом, а со временем занял свое место среди посвященных. Оставив претендента в молельне, он сноровисто прошуршал в покои матери (с одной стороны) или, может быть, пра- (несколько раз) праправнучки (с другой) и поспешил выполнить ее распоряжение. Если кого-то в Ордене и можно было назвать посвященным в самой полной мере, так это его. Потому что такое количество родов, которые он принял на своем веку, не привидится даже опытному акушеру. Сколько ему было лет? Может, сто семьдесят, может, сто восемьдесят… По крайней мере, никому и никогда не приходило в голову спрашивать его об этом. Сам он родился в смутные времена Конкисты, когда Алые Князья перли на человечество, как голодный крот на запах тухлятины. Но, может, этот факт и сыграл в его судьбе роковую роль, определив на тот пост, который он занимал уже столь долго. Ведь тогда никакого Ордена не существовало и в помине…

– Все готово? Он выпил настой?

Сея, стараясь не запутаться в подоле длинной ритуальной накидки, вскарабкалась на трон, венчающий собой мягкое, пружинящее под ногами огромное ложе, усыпанное свежими лепестками цветов. Стацин коротко кивнул, вытащил из кармана допотопный инфракрасный пульт и нажал на кнопку. Где-то под сводами зала зазвучала тихая музыка, больше напоминающая обычные лесные звуки – смешение шелеста листвы, щебетания птиц и тихого журчания лесного ручья.

– Ну, запускай!

Двустворчатые двери, ведущие в центральный зал храма, распахнулись перед продолжавшим стоять на коленях Вагнером. Он поднялся и, уверенно преодолев длинный коридор, вошел в зал. Размеры помещения поражали. Монахи Ордена не привыкли к столь грандиозным и вычурно украшенным сооружениям, всю свою сознательную жизнь стремясь к рациональной простоте, но жилище богини не могло выглядеть иначе. Золото, дорогие меха и массивные скульптуры заполняли огромный купольный зал. Макушка купола была прикрыта не то силовым полем, не то прозрачным стеклом, на таком расстоянии было не разобрать, и оттуда по всему залу разливались теплые, ласковые лучи

полуденного светила. В самом центре этого великолепия на нелепом монументальном троне, вырезанном из монолитного куска желтого в розовых прожилках мрамора, восседала обмотанная какой-то воздушной тканью женщина. Она несколько минут пристально смотрела на вошедшего монаха, остановившегося на почтительном расстоянии, потом вытянула вперед тонкую руку, почти так же, как на фреске в молельной комнате, и поманила мужчину к себе.

Пятнадцать лет, все время, которое Вагнер провел в пределах Ордена, он боролся с собственными эмоциями, подчиняя их разуму, и достиг в этом немалых успехов. Но здесь, в центре мира, его мира, он чувствовал, как ничтожны его усилия. Он физически ощущал, как в его кровь выбрасываются десятки, сотни различных химических соединений, как они штурмуют его сознание, как переворачивают волю и взрывают разум. Он даже не понял, как оказался подле основания трона богини и как его руки осмелились коснуться лодыжки ее обнаженной ноги, а губы прильнули к теплой бархатистой коже. Сея, медленно разматывая и сбрасывая с себя ритуальный шарф, сползла с каменной глыбы трона на мягкое ложе, схватила монаха за гладкую, идеально выбритую голову и, прижимая к груди, теряя равновесие, потянула мужчину на себя. Ее дыхание участилось, и из горла вырвался хрип, не имеющий ничего общего с ее обычным тонким, но глубоким меццо-сопрано.

– Иди ко мне…

Стацин, проверив качество оцифровки видеоряда, бросил не слишком заинтересованный взгляд на пульсирующий клубок живой плоти, образованный двумя обнаженными телами. Те то сливались, то отталкивали друг друга на широком ложе, усыпанном раздавленными бледно-фиолетовыми лепестками ночного уворотня и тонко выделанными белоснежными шкурами северной шумихи. Старик вышел из операторской. Похоже, как минимум неделю богиня будет занята делом, требующим от ее окружения только своевременной кормежки и напитков, восстанавливающих силы. Морщинистое лицо монаха искривилось в ироничной улыбке, и он плотно прикрыл за собой металлическую звуконепроницаемую дверь кабинета. Его губы пошевелились, будто он хотел что-то сказать, если бы не отсутствие языка во рту. Впрочем, сенсоры систем наблюдения и интерпретации прочитали по губам только одно слово: «Ведьма!»

Ведьма

Сея, точнее ее первое земное воплощение по имени Альда, появилась на свет в далеком одна тысяча триста тридцать девятом году от Рождества Христова в провинциальном Пуатье как раз накануне будущих сражений великой войны, которую потом историки уважительно обзовут Столетней. Кто-то может заметить, что средневековая Европа, один из материков планеты Земля, была не самым лучшим местом для формирования личности маленькой пиктонской девочки. Но именно это место Сея помнила лучше всего. И именно это время вспоминала с нежностью, несмотря на злую судьбу и скорую кончину своей предтечи. Простая деревенская жизнь, пусть по колено в грязи, пусть с постоянными мыслями о пропитании, была прекрасна. Детство закончилось быстро, а юность еще быстрее. Когда Альде исполнилось восемь, от чумы умерли ее отец и трое старших братьев. Ее мать, оставшись с двумя детьми на руках, вынуждена была с утра до позднего вечера работать прачкой, и Альда разрывалась между помощью матери и присмотром за четырехлетним братом. Девочка по какой-то чудесной случайности избежала повсеместной оспы и к пятнадцати годам превратилась в местную красавицу. Даже бедность и полуголодное существование не могли отвратить от нее заинтересованных взглядов молодых мужчин, особенно не привыкших отказывать себе в удовольствии и гордо называющих себя рыцарями – «защитниками всех униженных и оскорбленных».

В конце сентября крестьяне не бедствовали, им было чем оплатить работу прачки, и ранним утром Альду и ее мать можно было застать возле небольшого омута, образовавшегося на крутом повороте жиденькой речки, скорее даже бойкого ручейка. Утоптанная тропинка, позволяющая путнику спуститься к ручью, и стала, наверное, той последней чертой, ступив на которую Альда, несущая на плечах длинное коромысло с ведрами, наполненными выстиранным бельем, нос к носу столкнулась с оруженосцем сэра Уильяма де Браоза, спешащего вниз с тяжелым глиняным кувшином за плечами. Оруженосец присвистнул и, сбросив с плеч пустой кувшин, ухватил девушку за волосы и потащил наверх. Сэру Уильяму, прикрывающему намедни левый фланг отряда, которым командовал сам Черный Принц, в тот же день пленивший Иоанна Второго, пару раз хорошо прилетело палицей прямо по металлическому забралу. И теперь он, время от времени чуть не падая со своего седла, возглавлял скромный обоз из четырех телег, доверху нагруженных захваченным на поле боя скарбом, и направлялся в сторону Ла-Рошель с единственной целью не растерять по дороге ничего ценного. Слуга выволок растрепанную, орущую и

царапающуюся девчонку из кустов сочного репейника и швырнул к ногам лошади своего лорда. Уильям одобрительно кивнул и жестом показал, чтобы девушку связали и заткнули рот. Спотыкающаяся и мычащая от горя мать, пытавшаяся ухватиться руками за стремя лошади английского рыцаря, получила наотмашь ножнами по лицу и, скорчившись от боли, выплевывая выбитые зубы, упала в придорожную пыль…

Богиня обладала феноменальной памятью, но даже она уже не помнила (а может, просто не хотела?), о чем она просила святую Радигонду, покровительницу Пуатье и окрестных местечек, когда в редкие праздничные дни бросала робкие взгляды на соседских деревенских мальчишек. Может быть, она просила о рыцаре? Статном, сильном, красивом, в блестящих доспехах и на боевом коне? Поверьте, судьба всегда исполняет все наши желания, поэтому будьте внимательны и осмотрительны, когда высказываете их вслух. И тем более осторожны, когда обращаетесь при этом к Всевышнему…

Обоз сэра Уильяма, добравшись до Ла-Рошель, был вынужден задержаться там на пару недель. Черный Принц – Эдуард Вудсток, вырезав на поле боя при Пуатье значительную часть дворян, приближенных к французскому трону, и захватив в плен самого короля Иоанна, заключил с разгромленными французами очередное перемирие. Корабли, отплывающие с материка на остров, были переполнены добычей – победители спешили увезти награбленное домой. Каждый день задержки заканчивался вечерними пьянками, кутежом и мордобоем (в смысле дуэлями), то есть никому не нужными, но неизбежными дорожными расходами. Молодая девица оказалась в этой ситуации очень кстати, и ожидание корабля позволило рыцарю не просто приятно провести время, но и снять ненужное в его возрасте и положении напряжение. Мигрень, случившаяся после контузии, больше не донимала, и он готов был предстать перед своей супругой графиней Эммой Беатрисс де Браоз во всем своем блеске и величии. Эмма, в свою очередь, слыла женщиной разумной и не требовала от мужа большего, чем мог бы от него потребовать ее дядюшка-епископ или даже сам Черный Принц, но то, что преданному и доблестному мужу позволено на войне, не может быть позволено в ее постели. Однако вернувшийся домой рыцарь не собирался забывать о молодой француженке и продолжал периодически захаживать на кухню, куда ту определили посудомойкой. Супруга была не на шутку рассержена. Нет, Эмму не терзало чувство ревности, но упорно расползающиеся по дворцу слухи о пристрастии графа негативно сказывались на ее собственном реноме. Через полгода этих мытарств, в очередной отъезд сэра де Браоза в Лондон ко двору его величества Эдуарда Третьего, «наглая посудомойка» была объявлена ведьмой и признана виновной в колдовстве и

заговорах, в частности в чародействе в отношении самого графа. Несмотря на настоятельные требования Беатрисс немедленно казнить это дьявольское отродье, дядюшка графини, епископ, настоятельно порекомендовал сначала обезобразить ее лицо и бросить в подземелье замка. Тому были две причины. Во-первых, казнь кого-либо в графстве в отсутствие графа последний мог трактовать как измену, а во-вторых, ведьма оказалась беременной. Конечно, под пытками она призналась во всем, в чем ее обвиняли, по крайней мере, отчаянные крики и мольбы на дикой смеси двух языков пытавшие ее приспешники божии трактовали именно так, как того требовала графиня. Сэр Уильям, вернувшись во дворец, не был особенно удивлен произошедшим и, побеседовав с дядюшкой Эммы наедине более трех часов, полностью подтвердил легитимность предпринятых супругой мер.

Альда скончалась при родах через три месяца сидения на цепи в подземелье замка и под пристальным взором охраны дворца. Новорожденная девочка была на редкость молчалива и, в отличие от других грудных младенцев, уже по истечении первой недели пребывания на этом свете умудрялась очень внимательно рассматривать своими карими газами все, что творилось вокруг нее. Кормилицей ей назначили молодую полнотелую повариху, молока которой хватало и на собственного ребенка, и на приблудную ведьмину дочь. Впрочем, малышку кухарки жалели, все прекрасно понимали суть произошедшего и смерть ее матери называли не иначе как избавлением от мук, посланных несчастной Всевышним за чужие грехи. Уже в четыре года молчаливая и внимательная Кэтрин помогала кухаркам и профессионально ориентировалась не только в съедобном, но и в несъедобном. Летом работницы выходили в леса, прилегающие к замку, где собирали ягоды и полезные травы. Малютка удивляла женщин своими познаниями в свойствах лесной растительности, а также безошибочно находила медоносные пчелиные дупла. Граф с графиней нажили двойню и уже забыли о неприятностях, накликанных на их родовое гнездо сэром Уильямом. Казалось, мир вокруг будет вечно благоухать счастьем и благоденствием, но это был всего лишь очередной мираж.

Как-то утром замок огласился визгливыми криками оруженосца сэра Уильяма. Заглянув в спальню к графу с целью забрать ночной горшок благородного рыцаря, тот наткнулся на хладный труп своего господина, который валялся на каменном полу в неестественно скрюченной позе, с выпученными глазами и запекшейся коричневой пеной на плотно сжатых губах. Его благоверная супруга возлежала на перине с изодранной простыней в окоченевших руках. Причину

произошедшего установить не удалось, поговаривали, однако, что сам дьявол явился ночью в замок и прибрал к рукам хозяев. На отпевании в небольшой часовне, толкаясь между любопытной челядью и приезжими родственниками, маленькая Катерина пустила скорбную слезу и шепотом по-французски прошипела себе под нос:

– Жаль графа. Господи, как ты мог так быстро избавить этого урода от мучений? Они со своей супругой были достойны большего…

Совещание маленьких старцев

Стацин на цыпочках, шурша накидкой, поднимающей с каменного пола облачка пыли, прошел в сторону кухни. Его присутствие здесь было совершенно необязательно, поскольку цех полностью автоматизировали, и даже доставка готовых блюд и химический анализ поступавших продуктов осуществлялись без привлечения человеческого персонала. Тем не менее Стацин еще сто лет тому назад так привык заходить в бывшую пробочную перед каждой подачей пищи наверх, в купольный зал, что время от времени забредал сюда в задумчивости. Однако сегодняшнее посещение кухни, не охваченной сенсорами наблюдения и интерпретации образов системы охраны внутреннего периметра дворца, было неслучайно.

– Что теперь?

Длинная кашая насыщенного оранжевого цвета, похожая на висящий в прихожей на вешалке дождевик, пошевелилась в темном углу, в том самом, из которого донесся настороженный глухой голос секретаря Совета посвященных. Монах Уроп был несколько моложе Стацина, но разрыв в возрасте в десять лет никак не влиял на разницу в их жизненном опыте. Стацин положил ладонь левой руки себе на горло, и вживленный в его предплечье коммуникатор произнес механическим голосом, оставляя равные паузы между сказанными словами:

– Да ничего. Все как обычно. Неделю будет трахаться, потом объяснит мальчику его роль в своем новом проекте и отправит куда подальше, чтобы не путался под ногами… Она всегда умела совмещать приятное с полезным.

Стацин аккуратно пододвинул к себе высокий стул и, опираясь на подлокотники, втащил свое тело на сиденье.

– Распространить нашу систему воспитания на отпрысков правящих элит в центральных мирах конгломератов и тем самым обеспечить скрытое влияние Ордена на новое поколение будущих сильных мира сего – смело, но вполне предсказуемо. Ты ведь сам видишь, что все наши потуги экономической экспансии до сих пор не дали того результата, на который мы рассчитывали. Иметь конкурентоспособный продукт, как сырьевой, так и интеллектуальный, совсем не значит выйти с этим продуктом на рынок, сложившийся и хорошо оберегаемый главными его игроками. «Свободная конкуренция» как и «равные возможности» – обычный миф для обывателей. На деле рынок – это закрытый и самый охраняемый клуб, куда нет хода не только простакам снизу, но и авантюристам со стороны. Но при этом сотням молодых монахов придется покинуть пределы Ордена. Это приведет не просто к ослаблению контроля над ними, а к формированию совершенно нового поколения нашей элиты. Как она решилась на этот самоубийственный шаг, сам не понимаю. Что она потом с ними делать будет? Резать, что ли?

От одной этой мысли Стацин зябко передернул плечами. Как бы вульгарно ни звучало, но с нее станется. Это он понимал, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой.

– Сформируется дефицит квалифицированной молодежи внутри системы, на этом фоне Матери придется положиться на Совет посвященных во многих вопросах управления Орденом. Это наш шанс постараться все изменить или наконец избавиться от нее самой!

Уроп инстинктивно придвинулся вплотную к собеседнику. Он был отпрыском другой богини и одним из тех, кто был знаком с древними документами архива, спасенного монахами после смерти двух последних вечных матерей, уничтоженных Сеей. Он же вместе со Стацином вот уже более тридцати лет вынашивал план избавления Ордена от его бессмертной ведьмы.

– Эта тварь мне не мать! Но это так, к слову. Ты хоть раз за всю свою длинную жизнь мог уличить ее хоть в одной значительной ошибке? Все ее «промахи» рано или поздно оборачивались глубоко продуманными и прекрасно подготовленными последствиями. Поверь мне, Совет ей больше не нужен. Чем больше мы тянем время, тем меньше остается у нас шансов на успех. За

последние сто лет она обложилась системами безопасности так плотно, словно это не дворец, а приграничный бастион. И если еще двадцать лет назад ее увлечение интеллектуальными системами выглядело смешным, то теперь я понимаю, как глубоко заблуждался. Система безопасности, система наблюдения и интерпретации, система индивидуального обучения и контроля – все это туфта для молодых посвященных. Эта ведьма давно преступила древний закон и создает персонифицированный искусственный разум. Неужели ты этого не видишь? Нужно было еще при последнем перерождении объявить ее Обретшей Последнее Бессмертие, а ребенка утопить в бассейне.

Стацин убрал ладонь с шеи и демонстративно постучал пальцем по своему лбу. Устало отодвинулся от излишне эмоционального друга, проверил, насколько плотно закрыта дверь в комнату, и только потом снова поднес руку к горлу.

– Сколько человек сейчас сидит перед тобой? А сколько входит в Совет посвященных? Самому молодому советнику едва исполнилось пятьдесят, но у каждого за плечами не только университеты большого мира. Ты ведь не хуже меня понимаешь, что будет после убийства богини: они пожмут тебе руку, а потом публично казнят либо вообще отдадут на растерзание во второй или третий круг, где монахи порвут тебя на клочки как отступника. Советникам, как и всем еще живущим, не нужны конкуренты. Они, как, впрочем, и ты сам, привыкли быть избранными и не видят причин менять свои привычки. Смешно наблюдать за «почками», которые надеются улучшить организм, удалив из него «сердце». Ты зациклился на ведьме, а чего ты хочешь на самом деле? Власти? У тебя ее мало? Тебе претит ее попечительство? Не желаешь ли поинтересоваться у нашей «паствы», у «овечек» с Гернетона, ты сам-то им нравишься? Или, быть может, под твоим руководством Совет сделает их жизнь более счастливой? Брось…

Стацин вытер выступивший на лбу пот и, бросив на собеседника грустный взгляд, скривил на изрезанном морщинами лице ироническую улыбку.

– Богиня более пятисот лет умудрялась водить за нос не только свору жадных и голодных до власти сыновей, но и гораздо более опасных для нее ныне почивших «подруг» Хлою и Эстампу. Три тысячи лет она из воплощения в воплощение вырабатывала механизмы защиты как от внешних, так и от внутренних угроз. И поверь, мы с тобой знаем об этом так мало, что лучше использовать слово «ничего». Она так хорошо научилась манипулировать нами, что больше боится бездетности, или неожиданной старости, или вырождения от

внутриродового спаривания. Нужно ждать, ждать и терпеть, готовить последователей. Какой бы опытной и проницательной сволочью она ни была, она просто человек и рано или поздно должна совершить роковую ошибку.

Уроп резко отстранился, поднялся со стула, и его щуплый силуэт направился в сторону выхода из комнаты. Уже распахнув дверь, он гневно бросил через плечо:

– Вот и ты находишься под ее чарами, тебе проще рассуждать о ее превосходстве, а не бороться с гадюкой, выродками которой мы все являемся. Я прожил достаточно, чтобы наконец умереть. Но сделать это я хочу с окровавленным мечом в руках, а не на мягком диванчике возле искусственного камина.

Стацин укоризненным взглядом проводил удаляющуюся по коридору фигуру Уропа. Тот всегда был резок в суждениях и неосторожен в оценках. Странно, что ведьма именно его назначила на роль центральной фигуры в Совете. А впрочем, ничего странного. Там он на виду, как и все его любимчики из посвященных. Не стоило соглашаться на эту встречу, ох не стоило.

Собственную причину желания избавиться от ведьмы он осознал и обдумал давно, и это не было ни местью, ни ненавистью обиженного ребенка, ни стремлением к собственному возвышению и величию. Необходимость подобного шага полностью овладела им, лишь когда он детально проанализировал «архив», а фактически историю жизни одной из ее соратниц – Хлои. Он прекрасно понимал, что Орден нужен Сее до того момента, пока она не реализует свою мечту и не создаст то, чему она и ее подруги посвятили все свои бесчисленные жизни. А потом… Потом весь этот мир, его мир, будет принесен в жертву ее безмерным амбициям. План избавления Ордена от богини Стацин продумывал уже не один десяток лет и считал его самым приемлемым из возможных вариантов: единственный способ убрать свою мамашу и при этом не развалить Орден, не скатиться до банальной резни – это подменить ее на другую девочку. Сделать такое с новорожденной было реально только при рождении двойни, а еще лучше тройни. Выделить среди родившихся близняшек несущую в себе сознание предыдущих реинкарнаций было нетрудно, все богини вне зависимости от наследственных признаков имели почти черную радужную оболочку глаз. То есть среди новорожденных именно ребенок с темно-карими глазами будет являться преемником сознания предыдущего поколения. Но во время родов к охране дворца привлекалось столько рядовых фанатиков Ордена, что просто подменить новорожденного ребенка было практически невозможно.

В первую очередь потому, что ни одна женщина, девушка или девочка на сотню миль не допускалась к дворцу. Это очень жестко отслеживалось и пресекалось всеми возможными средствами, находившимися в распоряжении ведьмы. На весь период родов и еще как минимум полгода после них Совет посвященных практически отстранялся от руководства первичной структурой Ордена, а его отдельные подразделения управлялись мастерами второго и третьего кругов. Во дворец не мог проникнуть никто, а за нормальной работой ГИУС – глобальной информационно-управляющей системой – дистанционно наблюдали бойцы Черного легиона. Единственная возможность повлиять на процесс становления очередной реинкарнации заключалась в нелегальном проникновении и установлении контроля за самой ГИУС. Именно на этом настаивал Уроп. Сам Стацин отчасти был с ним согласен, но считал, что без подходящей замены это бессмысленно, поэтому надеялся дождаться двойни и действовать наверняка.

## Постановка задачи

Осунувшийся, с темными мешками под глазами и побелевшими плотно сжатыми губами, Вагнер сидел на широком шезлонге перед объемным изображением структурной таблицы нового проекта, частью которого ему предстояло руководить. Выделив и развернув перед собой вкладку с финансовым сектором, он непроизвольно сморщил лоб и отчаянно вздохнул. Не заметив, как на открытую веранду, примыкающую к абсолютно гладкому зеркалу небольшого горного озера, отплевываясь, фыркая и размашисто стряхивая воду с волос, серебристым фонтаном разлетающуюся вокруг стройной фигурки, вынырнула его госпожа. Просеменив по теплому граниту, она прыгнула в соседний шезлонг и тут же начала ломать на голомониторе сгруппированный Вагнером рисунок зависимостей отдельных направлений проекта.

– Страшно?

Вагнер моргнул покрасневшими от недосыпа глазами.

– Нет, но…

– Даже не сравнивай это со стандартными выкладками. Спотовых сделок на этапе старта проекта не будет вообще. Мы выкупаем уже готовый бизнес и

переформатируем его в течение полугода. В качестве официальных владельцев будут фигурировать только инсайдеры. Легенда для них и их денег отрабатывается уже больше десяти лет. Все чистое, не задет ни один офшор. Пусть копают, сколько хотят. Мы знаем, с кем имеем дело. Минфин САК тот еще орешек, но и на старуху найдется проруха…

Вагнер постарался не подать виду, но заметил, что при этих словах Сея внимательно осмотрела свое тело в большое зеркальное панно, хрустальной стеной отделяющее веранду-причал от гостевой части дворцового крыла.

– Сама контора, которую мы приобретаем, – «New American Preparatory School» – имеет несколько длинных и бесперспективных кредитов. Нам это удобно, мы начнем нашу рекламу в определенных, интересующих нас кругах с того, что реструктурируем эти кредиты в «Ершалаим Сити Банк». Да, это было непросто, но договоренность уже достигнута. В общем, тебе нужно хорошо делать на Нью-Вашингтон то, что ты уже научился хорошо делать в Ордене… – Сея потянула Вагнера от экрана голомонитора за рукав расстегнутой белой рубахи. – Тебе нужно познакомиться с очень многими людьми в САК, но делать это ты будешь за рамками профессиональной деятельности. Закрытые клубы, спорт, благотворительные мероприятия, когда, где и с кем – все это описано во вступительной части инструкции по твоей адаптации на планете. Наши люди, твои будущие подчиненные, уже работают над этим и, насколько мне известно, вполне успешно. Сам решишь, кто из них впоследствии останется в проекте, а с кем ты сочтешь необходимым расстаться. Все в твоих руках, милый…

– Я никогда не работал с девочками…

Богиня, ловко подпрыгнув и повалив посвященного на шезлонг, оседлала его сверху.

– А сейчас ты чем занимаешься?

На свежем, румяном лице нарисовалась обворожительная улыбка. Глаза при этом оставались холодными, казалось, что в их глубине скрывается черная бездна, у которой нет ни дна, ни берегов, ни начала, ни конца.

– Группы девочек начнем формировать на три-четыре года позже, когда обучающая система адаптируется к нюансам базовой психологии САК. Через

десять лет в этой школе будут учиться отпрыски самых представительных семей не только Нью-Вашингтона, но и всей американской элиты. Мы начинаем проект в Американском Союзе именно потому, что здесь любые, даже самые неожиданные, но блестящие достижения мгновенно становятся достоянием заинтересованных сторон и отслеживаются еще на этапе становления.

Сея нависла над посвященным и, точно голодный вампир, впилась в него губами, слегка покачивая при этом телом и все сильнее вдавливая его своими распахнутыми бедрами в лоно шезлонга.

## Попутчик

Пассажирский среднетоннажный рейсовый лайнер класса «Солнечный ветер» с бортовым номером H761XE стартовал с орбитального космопорта Хайнаньдуанкоу точно по расписанию. Как только корабль закончил разгон и перешел в штатный режим полета, Шеган вылез из компенсатора, «попросил» визор полностью приглушить звук и, забравшись в душевую нишу, направил на себя упругую струю холодной воды. Освежившись и аккуратно сложив вещи в приемник клинингового реактора, он вскрыл контейнер с ручной кладью. Были некоторые опасения, что за прошедшие четверть века его проживания на Нью-Вашингтоне старая кашая, бережно хранимая в потайном шкафчике гардеробной его большого дома на набережной Палм-Ривер, может на него не налезть. Однако просторный балахон был гораздо меньше привязан к рельефу меняющегося со временем тела, нежели, скажем, обтягивающие джинсы или строгий деловой костюм. Переодеваться дома перед вылетом было глупо, но на Таире, куда и направлялся лайнер, его должны были встретить и сопроводить на частную яхту именно как монаха.

Родной мир мастера проектов, посвященного четвертого круга Ордена – Шегана, планета Стах, имел в САК собственное представительство, как, впрочем, и на большинстве столичных планет конгломератов. Но к Ордену и его деятельности на Нью-Вашингтоне это не имело никакого отношения. Параллельно официальным представительствам существовали отделения Ордена, деятельность каждого из которых подчинялась непосредственно мастеру. Основной их задачей являлся сбор информации – научной, коммерческой, в сущности, любой, способной принести пользу его родному миру. То есть, проще

говоря, Шеган курировал разведывательную сеть Ордена в Союзе Американской Конституции. Большинство ячеек этой сети состояли из натурализованных агентов, ведущих пассивное наблюдение. Так продолжалось вплоть до момента, когда по нелепой случайности или вследствие козней внешних врагов две из трех богинь Ордена погибли, обретя вечное бессмертие, а оставшаяся в живых через подчиненный ей Совет посвященных заявила, что настало время перемен…

Первые шаги в подотчетном конгломерате мастер, как и многие его соотечественники, предпринял в качестве студента. Шегану после окончания с отличием одного из ведущих университетов САК на Айроне и защиты степени доктора социологии руководство университета предложило продолжить работу в стенах альма-матер. Впрочем, уже через два года блестящего социолога пригласили на центральную планету, здесь он был вынужден обзавестись семьей – без выполнения этого условия получить статус полноценного гражданина САК было невозможно. Строгими канонами Ордена в данном случае – как и во многих других, когда цель оправдывала средства, – можно было пренебречь. Тем более что кандидатуру будущей жены утвердил Совет. Женившись и уже в качестве инсайдера подписав контракт с нанимателем, Шеган приступил к исполнению своей основной миссии: ему предстояло создать сеть наблюдателей и подготовить почву для разворачивания новых проектов богини.

На беззвучном изображении визора каюты красовалась яркая надпись: «Счастливого вам путешествия и скорейшего возвращения на родину». Шеган затянул пояс кашаи, улыбнулся своим мыслям и вышел в коридор пассажирской палубы. Длинное пространство заканчивалось широким трапом на верхнюю палубу, где можно было на выбор посетить небольшой бар, тренажерный зал или детскую игровую зону. Монах легонько толкнул прозрачную дверь бара и через несколько шагов погрузился в полумрак помещения. Перед стойкой потыкал пальцем в сенсор бармена, затем, получив бокал разведенного минеральной водой сгущенного молока, осторожно поднес его к губам. В баре было не больше пяти столиков, ютящихся по темным углам. Один из них был занят служителем культа «конкурирующей» конфессии. Католический священник с атлетической фигурой, не уступающей фигуре Шегана, откинувшись на спинку пластикового стула, неторопливо потягивал американо и довольно бесцеремонно разглядывал вошедшего посетителя. Если бы не яркое пятно колоратки на шее служителя Господня, Шеган не смог бы с первого раза разглядеть оного в темном углу заведения, даже несмотря на фигуристость. Вступать в душещипательные беседы с философско-теологическим уклоном

было неинтересно, но выработанная годами маска толерантности заставила его уважительным кивком поздороваться с коллегой и, широко улыбнувшись, поинтересоваться, как у него дела. Заметив при этом, что не столько встреча как таковая, сколько выбранное обоими место для времяпрепровождения на борту лайнера оставляет желать лучшего.

– Даже не представляете, насколько хорошо! – Незнакомец, демонстрируя прекрасную координацию, мгновенно извлек мускулистое тело из узкого пространства пластикового стула и тут же протянул Шегану широкую теплую ладонь.

– Аббат Ноэль. Чрезвычайно рад! Вот ведь воистину пути Господни неисповедимы… Вы ведь тот самый доктор Шеган, не правда ли? Очень рад, очень! Не знал, что вы буддист. Впрочем, ваши работы стали для меня воистину открытием. Уверен, что, каковы бы ни были ваши религиозные предпочтения, только сам Господь Бог мог сподвигнуть вас на этот труд… И вот что интересно, вы ведь, как и я, с Нью-Вашингтона? Удивительно, как Господь распоряжается судьбами простых людей! Встретиться с вами здесь, между Китаем и Таиром…

Шеган продолжал улыбаться, стараясь не опрокинуть бокал с молочным коктейлем, но потихоньку разворачивался так, чтобы обойти оказавшегося между ним и выходом из бара аббата.

– И я, и я рад вас видеть… – Наконец удалось протиснуться, и он собирался сделать широкий шаг к прозрачной двери бара.

– Как же я завидую вам, человеку, который имеет возможность посвятить всего себя поискам истины… Нам, папским нунциям, увы и ах… Канцелярия, приемы и ответные приемы, не поверите, о душе подумать, помолиться некогда… – аббат продолжал тараторить не умолкая, хотя и не предпринимал попыток препятствовать намерению монаха покинуть бар.

Нунций, папский сотрудник государственной канцелярии, наверняка представительствует в САК, да еще такой болтливый… Шеган тяжело вздохнул и, вновь водрузив лучезарную улыбку на непроницаемое лицо, резко поменял траекторию движения.

– А разве вы считаете, что уровень счастья простого человека зависит от научно-технических достижений общества? То, что человек утром чистит зубы ультразвуковой щеткой, а не кусочком коры карельской березы, не делает его ближе к духовному просветлению, пусть в вашей интерпретации это и звучит как «ближе к Богу». Скорее наоборот. Простая деревенская жизнь, понятная, предсказуемая, стабильная, исключающая праздность и безделье, не образующая в душах пустоты, требующей непременного заполнения гордыней, стяжательством, а паче того унынием, – только это позволяет избежать проблем современного общества, погрязшего в стрессах и в погоне за наживой. – Шеган глубоко выдохнул и чуть сбавил эмоциональный фон своих реплик в диалоге с аббатом. – Можно построить сколько угодно храмов, причем непременно золотых, и ждать, сидя на их пороге, когда паства придет к пастырю, а можно просто сразу оградить людей от мирских соблазнов…

Последняя реплика и вовсе прозвучала скорее вопросительно-проникновенно, нежели поучительно-агрессивно.

– Золотых храмов? Вы, наверное, путаете католиков с нашими православными братьями. Это у них путь к Богу непременно проходит под золотыми куполами. Но что поделаешь, Восток – дело тонкое…

Попутчик оказался совсем не так прост, как могло показаться при первом контакте, и не так словоохотлив, как посчитал Шеган. Его тактика с упором на явный когнитивный диссонанс между религиозными декларациями и реальной повседневной деятельностью католических лидеров потерпела полное фиаско. Аббат не собирался ни оправдываться, ни тем более оправдывать своих единоверцев. Казалось, его совершенно не трогало двусмысленное жонглирование образами и понятиями. Шеган готов был допустить, что это не он пытается раскрутить аббата на откровенность, а аббат уже раскрутил его самого и теперь с интересом анализирует его умозаключения, выстраивая в голове психотип собеседника.

– Да с чего бы? Вы меня прекрасно поняли. Я не имел в виду конкретный элемент периодической таблицы. Ваша религия изначально создавалась из самых благих побуждений, но свои теперешние черты она приобрела благодаря Риму и исключительно как инструмент манипулирования массовым сознанием со стороны правящей элиты. То есть тогда, когда прикоснулась к «золоту» земной власти.

Шеган чувствовал, что разговор уводит его от первоначальной цели. Нужно было как-то сгладить ситуацию и переходить к эндшпилю, минуя при этом цугцванг. Впрочем, на лице аббата продолжала красоваться немного туповатая улыбка благодарного слушателя.

– Доктор, ну буде вам. Вы еще вспомните средневековую инквизицию, сексуальные скандалы двадцать первого века и последний крестовый поход, который, кстати, и послужил отправной точкой «большого исхода». Любая идея, даже самая светлая, кого-то привлекает своей чистотой, а кого-то – возможностью реализовать свое греховное тщеславие и низменные пороки. Я слышал, что именно описанный вами выше «простой» образ жизни культивируется на вашей родной планете. И что, удалось построить рай рукотворный на «отдельно взятой территории»?

Мало кто на этом свете знал, что Шеган, гражданин САК, доктор социологии, профессор и член всевозможных научных ассоциаций, является уроженцем далекой провинциальной планеты. И уж точно эта информация не могла входить в круг интересов католического священника. Однако Шеган вполне достойно выдержал взгляд своего странного собеседника, мгновенно ставший холодным и колющим.

– Знаете, я вот уже четверть века, то есть всю свою сознательную жизнь, живу и работаю на Нью-Вашингтоне и именно эту планету привык считать своей родиной.

Шеган кинул непроизвольный взгляд на хронометр своего коммуникатора и торопливо поднялся, отодвинув в сторону недопитый коктейль.

– Прошу меня извинить, падре, если вы не против, мы продолжим прения немного позже.

Мастер, отвернувшись от аббата, шагнул к выходу – в который уж раз!

– Да благословит вас Господь и наставит на путь истинный! Да минует вас чаша гнева Его праведного, да пребудет с вами мир и покой, сын мой!

Шегану вновь пришлось резко повернуть голову в сторону собеседника. Но за столиком, за которым они провели вместе не менее часа, никого не было. Только

еле заметная серая тень скользнула рядом с лицом монаха, а стеклянная дверь бара качнулась, словно ее задел порыв стремительного горячего ветра.

Когда мастер вернулся в свою каюту – лучше бы он из нее вообще не выходил, – настроение его было окончательно испорчено. Некая третья сила, совершенно не стесняясь, дала понять, что все его игры в конспирацию, а может, и не только его, не стоят и ломаного гроша. Почему его не трогали до сих пор? Почему не вышли на контакт еще там, на Нью-Вашингтоне? Ведь это была не вербовка… А что тогда? Одно он теперь понимал абсолютно отчетливо: если он и доберется до Стаха, обратный путь на Нью-Вашингтон ему заказан. Всю процедуру встречи на Таире и дальнейший путь в Орден необходимо было менять буквально на коленке. Шеган в позе лотоса присел прямо возле входной двери и постарался привести мысли в порядок. Раньше он никогда не жаловался на память, а сейчас у него было чувство, как будто в его голове промчалось стадо слонов. Аббат. Аббат Ноэль… Он точно слышал это имя от высокопоставленных знакомых в Американском Союзе, но от кого и по какому поводу, вспомнить не мог…

Конец ознакомительного фрагмента.

---

Купить: https://tellnovel.com/ru/zlotnikov_sergey/vechnyy-chernyy-legion

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить